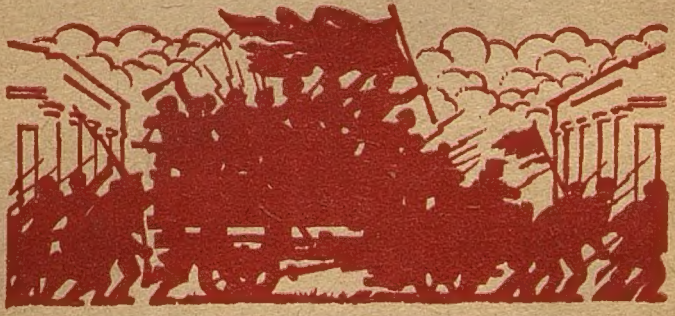
ПРЯЖИ И ТЕКСТИЛИ ЛЕНИНГРАДА В 1917 г.

ИНСТИТУТ ЛЕНИНА
БИБЛИОТЕКА
ЕН 1928
П 364

В. П·Е·Р·А·З·И·Ч

ЕН 1928
П 364

ТЕКСТИЛИ ЛЕНИНГРАДА В 1·9·1·7 Г.



ИЗДАНИЕ ЛЕНИНГРАДСКОГО
БЮТОДЕЛА В.П.С. ТЕКСТИЛЬЩИКОВ.
ЛЕНИНГРАД. 1927 ГОД.

ЕН 1928
П 364 р

В. ПЕРАЗИЧ

ТЕКСТИЛИ ЛЕНИНГРАДА в 1917 г.

ИЗ МАТЕРИАЛОВ ДЛЯ ИСТОРИИ
КЛАССОВОЙ БОРЬБЫ ТЕКСТИЛЕЙ
ЛЕНИНГРАДА

ИЗДАНИЕ ЛЕНИНГРАДСКОГО ГУБОТДЕЛА
ВСЕСОЮЗНОГО СОЮЗА ТЕКСТИЛЬЩИКОВ
ЛЕНИНГРАД — 1927

ЕН1928
П364 Р

ГОС. ТИПОГРАФИЯ
имени
ЕВГ. СОКОЛОВОЙ
пр. КРАСН. КОМАНДИРОВ 29
ЛЕНИНГРАД

Библиотека
Института Ленина
при Ц. К. В. К. П. (б.)
134680 Y

Ленинградский Гублит № 39953 Тираж 15.000—7 л. Заказ № 1140.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Предлагаемые вниманию товарищей очерки лишь в очень малой мере основаны на документальных данных. Последних в настоящее время, к сожалению, почти совсем и не имеется. Причин тому несколько:

1. В 1917 г. не сразу и не везде стали вестись протоколы заседаний складывавшихся тогда организаций.

2. У членов этих организаций долгое время не было сознания необходимости сохранять документы и многие из последних погибли в годы нашей скудости, когда они шли на завертывание селедок и на другие нужды членов нашего Союза.

3. Архив Союза за первые годы революции почти целиком был сожжен в 1919 г. при наступлении Юденича [1]).

---

[1]) Впрочем, часть этого архива, запакованная тогда в ящик и переданная в ЛГСПС, может-быть, по словам т. Циперовича, еще и найдется в архивах, пересланных тогда в Москву. Совсем ничтожную часть союзного архива (черновики некоторых протоколов) удалось тогда спасти пишущему эти строки.

4. Значительная часть архивов наших фабкомов погибла во время наводнения 1924 г.

Таким образом, и огонь, и вода, и народные бедствия, к огорчению историков, участвовали в уничтожении наших архивов. Поэтому, для составления более или менее связного повествования о том, как переживали революционный 1917 год наши текстильщики, мне пришлось обратиться к такому, нуждающемуся во всесторонней проверке, источнику, как память активных участников и свидетелей революционных выступлений и строительства союзных организаций в этот замечательный год. Проверку полученных при этом данных, разумеется, в далеко неполной мере, насколько мог, я осуществил путем сличения сообщенных мне фактов с газетными материалами того времени и сопоставлением свидетельских показаний, насколько мне удалось «от'исповедывать» участников и свидетелей революционной деятельности текстильщиков.

Пользуюсь при этом случаем выразить им свою признательность за их помощь мне при составлении этой работы. До известной степени, они являются соавторами этой книжки.

О многих фабриках мне пришлось умолчать в виду неясности, сбивчивости и противоречивости собранных мною до сих пор о них «свидетельских показаний».

Май, 1927.

Глава I.

Стихийное движение.

Два с половиной года империалистической войны не даром прошли для ленинградских текстилей. Несмотря на военное положение, отдельные фабрики бастовали за это время по несколько раз и убедились, что результаты отдельных выступлений слишком ничтожны — копеечные прибавки, когда кругом со страшною быстротою росла дороговизна и один за другим, в виду отсутствия транспорта, исчезали с рынка товары. Еще в конце 1916 года на фабриках пошли толки о необходимости более решительной борьбы с фабрикантами. Пришедшие в первые дни нового года слухи и сообщения о вспыхнувшей в Иваново-Вознесенске всеобщей забастовке текстилей еще более усилили возбуждение на наших фабриках. Между 3-м и 7-м января на некоторых из них состоялись митинги, у Паля распространялись меньшевистские, у Торнтона и др. прокламации междурайонцев [1]). 9-го января почти все наши фабрики приняли участие во всеобщей забастовке. Правда, руководящей роли в этом движении текстильщики не играли

[1]) Объединенная организация, в которую входили большевики и меньшевики-интернационалисты.

наоборот, в большинстве случаев их пришлось снимать с работы.

Произошло это потому, что к этому времени очень мало оставалось на наших фабриках работников, способных взять на себя руководство революционною борьбою. Некоторые из получивших революционное воспитание на наших фабриках активных работников, попав в черные списки, не принимались уже на текстильные фабрики и принуждены были искать работы на заводах. Так, с 1911 г. ушел к металлистам Д. Ф. Митрохин; с 1913, вернувшись из ссылки, Н. И. Лебедев; с 1915 г. В. А. Лемешев-младший и др. Иные оказались к этому времени в ссылке, как Тюшин, Воробьев, Христинин и др. Значительная часть революционной молодежи, а затем и старших возрастов была угнана на фронт империалистической войны. Другая часть сознательных рабочих, спасаясь от такой участи, перебралась на металлические и др. заводы, работавшие на оборону. Дошло до того, что даже на мюлях, где никогда до этого не было женщин, стали работать женщины, а среди женщин в то время было еще слишком мало сознательных работниц.

В то же время разгромлена была и чуть теплившаяся организация Союза: в первые дни января были арестованы секретарь Союза («Общества рабочих и работниц по обработке волокнистых веществ») Федор Еремеевич Савельев, Петров и еще несколько активных работников, продолжавших профсоюзную работу, несмотря на то, что Союз в это время насчитывал и всего-то не больше 50 человек членов. Снова было опечатано помещение Союза, и он фактически прекратил существование, если не считать уцелевших на двух-трех фабриках остатков фабричных комитетов,

которые нелегально, как у Паля, или даже легально как у Леонтьевых, просуществовали, более или менее правильно, переизбираясь и сохраняя преемственность, с 1905 г. и во все время реакции и даже войны, вплоть до самой революции, вдохнувшей в них новую жизнь. Но это были исключительные случаи. На большинстве же фабрик организационная преемственность накопляемого революционного опыта была давно оборвана.

Однако, кое-где по фабрикам успели закрепить свое влияние на рабочую массу не особенно резко в смысле партийности оформленные группы активных работниц и рабочих, или даже отдельные единицы, вроде бывших уполномоченных Союза, или членов правления больничной кассы, или работников кооператива и т. д. Такая группка более или менее сознательных и активных товарищей существовала, напр., на фабрике Керстена (ныне «Красное Знамя»). Начало ей положили т.т. Худяков и Зяблов, успевшие к этому времени вернуться из ссылки, куда попали за большевистскую пропаганду в 1911—12 г. Вокруг них сплотилось еще несколько большевиков (т.т. Малькова, Залко Цейтлин, Зяблов, Нейланд). К ним примкнул несколько позже и вернувшийся из ссылки анархо-синдикалист Коломейцев. Дружно работали с ними в то время и эс-эры (Каптерев, Фомичев, Тимофеев, Баранова).

Позднее — к половине февраля — когда под руководством Скороходова («Кастрича») создалась районная организация человек в 30, об'единявшая (правда, довольно рыхлою связью) большинство фабрик и заводов Петроградской стороны, — в нее вошли от ф. Керстена: Худяков, Нейланд и Баранова.

Такая же группка работниц существовала и на Новой Бумагопрядильне (ныне имени Петра Анисимова). Основанная еще в довоенное время, она состояла из одной или двух молодых большевичек и нескольких большевистски настроенных работниц, из которых некоторые посещали вечерние курсы в доме графини Паниной и были членами культурно-просветительных обществ. К этой группе принадлежали т.т. О. Ф. Чернышева, Анисья Никитина, Быкова, П. Круглякова, Женя Курчавова.

В начале января 1917 г. этой группке удалось организовать отпор хозяйской попытке удлинить рабочий день. Работали на фабрике в это время от 7 до 7 с часовым перерывом на обед. Администрация фабрики вывесила об'явление об удлинении рабочего времени на один час, мотивируя эту меру необходимостью приготовить для фронта больше марли и других перевязочных материалов. Названная группа работниц сорвала по ткацкому цеху подписку о согласии на этот лишний час работы, и, на другой день были остановлены станки. Явилась полиция, околоточный Карловский, и целая паника возникла было в коридоре, но все-таки было проведено собрание и один день не работали. Администрация принуждена была снять свое об'явление, не рискнув даже, в виду возбужденного настроения на фабрике, подвергнуть увольнению выдвинувшихся при этом работниц. Впрочем, свои меры она все-таки приняла, под видом «выдвижения» убрав с фабрики особенно активных работниц. Так, Чернышеву, под предлогом необходимости контроля от рабочих над фабричной лавкой, послали работать в эту лавку [1]).

[1]) А затем уже после торжества революции, в начале марта постарались не доставлять в лавку продуктов, когда кругом они повсюду продавались, так что возмущенная

На Василеостровской ситценабивной (ныне имени Веры Слуцкой) инициативную группку составляли члены больничной кассы, помещавшейся в клубе Радищева. Это были Петрушин, Уткин, Лапин, Воробьев, руководившие выступлениями фабрики.

На Охтенской бумагопрядильне активные элементы группировались вокруг Виктора Большакова (А. Карнизова и др).

Но такие группки существовали лишь на немногих из наших фабрик, и потому участие последних в движении февральской революции было в общем стихийное и на большинстве фабрик носило довольно случайный характер.

Возникшая во время войны организация так назыв. рабочей группы Центрального Военно-промышленного комитета не пользовалась влиянием на наших фабриках, хотя рабочие некоторых из них и приняли участие в выборах в эту группу (напр., в начале января 1917 г. от Сампсониевской мануфактуры представителем в военно-промышленный комитет был Василий Тузов, от 1-ой Ниточной Петр Мамошкин и Басса Васильева). С середины 1915 и в 1916 г. оттуда приходили на фабрики уполномоченные, осматривали, как ведется производство, делали указания о замене тонких образцов ткани толстыми и т. п., вмешивались в установление расценков. На иных фабриках

голодная очередь работниц, не ища далеко виновников, готова была расправиться с Чернышевой мешком и тачкой. Разумеется, после такого инцидента ей нельзя было уже оставаться в лавке, и директор Р. Р. Каменский, якобы сочувствуя ей, предложил ей выдать за 2 недели вперед и помочь ей устроиться у Паля. Но Чернышева предпочла обратиться к «народу» на собрании, где рассказала все, как было, и собрание решило, чтобы она вернулась к станку.

ремонтные мастерские получили от Военно-промышленного комитета задание точить стаканы для гранат и т. п. Так было, напр., на Сампсониевской, на Ждановской (бр. Леонтьевых) и др. Во всяком случае, популярности особой в среде наших рабочих они себе не снискали, и хотя они под конец и полевели и даже обратились по фабрикам с воззванием об образовании фабр. комитетов, за что 26-го января рабочая группа Военно-промышленного комитета и была арестована, но призыв оборонцев к протесту по этому поводу отклика среди текстилей не встретил, несмотря на то, что революционное брожение в рабочей среде нарастало, подкрепляемое брожением среди солдат.

Точно также мало успеха имели и призывы оборонцев организовать демонстрации в день открытия Государственной Думы. Правда, слухи о забастовке возникли, благодаря этим призывам, на многих фабриках и, напр., работницы с Новой Бумагопрядильни вспоминают, что когда они возвращались с работы в те дни, солдаты с площадки трамвая кричали им: «Ну как? забастуете?». Некоторые фабрики даже готовились в этот день к выступлению (напр., Российская, Василеостровская Ситценабивная), но на большинстве фабрик если и шло брожение, то оно не приняло никаких организованных форм (на Тюлевой, на Екатерингофской и др.). Во всяком случае, кроме забастовки у Торнтона, выступлений наших фабрик в день 14-го февраля не было.

Однако, недовольство накипало, так как слишком отставала заработная плата от все выше подымавшихся цен на продукты, которые, к тому же, один за другим исчезали с рынка, и у лавочек создавались хвосты. Недовольство в эти дни усиливалось еще относительно мелкими недоче-

тами финансовой политики. Снова повторившийся острый недостаток разменных марок создавал добавочное раздражение. И когда к этому присоединилось еще уменьшение хлебного пайка, то чаша терпения переполнилась.

Несмотря на отмеченное выше почти полное отсутствие на текстильных фабриках своих революционных ячеек, которые бы могли взять на себя инициативу и руководство движением, текстильщицы оказались в числе первых втянутыми в массовые выступления, которыми началась февральская революция. Произошло это благодаря тому, что эти дни готового перелиться через край революционного возбуждения совпали с приближавшимся международным женским днем, и это заставило все существовавшие в то время в Ленинграде революционные организации, при подготовке традиционного празднования этого дня (а на него в этом году в виду удачно проведенных 9 января забастовок и демонстраций возлагались особые надежды), обратить главное внимание на текстильные, как преимущественно женские, фабрики. На них были распространены прокламации, специальная межрайонцев и несколько выпущенных еще до этого большевистских. Кроме того, участники различных кружков, как, напр. клуба и курсов при доме графини Паниной были уже подготовлены и распределены для остановки фабрик и снятия рабочих с работ. На многих фабриках, как, напр., на Новой Бумагопрядильне, работницы определенно ждали, что их придут в этот день «снимать». На некоторых однако, работницы выступили, не дожидаясь, пока их «снимут».

На Выборгской стороне первою вышла на улицу Сампсониевская мануфактура (ныне «Октябрьская»). Это было 22-го февраля (7-го марта).

Заводы еще работали, но кое-где, в разных концах, уже собирался народ с криком «хлеба». (Хлеба выдавали тогда по 1½ фунта, а требовали, чтобы выдавали по 2 и по 3). «Зачинщиками» были работницы: они ворвались в паровую и остановили машины, а затем бросились снимать с работы, одни на завод Барановского, другие к Эриксону и т. д.

А затем, каждый день захватывал в движение все более широкие массы. 23-го февраля на многих фабриках (на Охтенской и др.) были, в ознаменование женского дня, устроены собрания работниц, где были вынесены боевые резолюции, с требованиями, которые были и шире и глубже обычно выдвигаемых в этот день. После собраний работницы шумною демонстрацией, с криками «хлеба», «долой войну», «верните нам наших мужей!», двинулись «снимать» работавших на предприятиях. Часть пробовала пробраться на Невский но была разогнана полицией.

По данным охранного отделения («Ведомость предприятий, рабочие которых бастовали 23 сего февраля») в этот день из общего числа бастовавших 43 предприятий с 78.443 рабочих участие в забастовке приняли 10 текстильных фабрик с 11.830 рабочими [1]).

Для 24-го февраля такая же «Ведомость» охранного отделения устанавливает общее число бастующих в 158.583 чел., в том числе текстиль-

---

[1]) Согласно этой «Ведомости» бастовали Выборгская мануфактура (ныне это часть «Красного Маяка»), Никольская (тоже), Старо-Сампсониевская, Джутовая Лебедева («Работница»), Невская Ниточная (часть Халтуринской), Русская прядильная, фабрика Джемс Бека (им. Свердлова), Тюлевая (им. Самойловой), Охтенская бумагопрядильная («Возрождение»), Трикотажная Керстена («Красное Знамя»).

щиков 22.770. (В перечне указано 20 бастовавших текстильных фабрик).

Наконец, на 25-е февраля «Ведомость» отмечает 27.740 текстилей при общем числе бастующих 201.248 рабочих. (Общее число бастовавших предприятий 173, в том числе текстильных 22).

Если принять во внимание, что общее число занятых в Ленинграде рабочих ко времени революции доходило до 379.000 а текстильщиков в том числе было всего до 39.000 (цифры на 1-е января 1917 г.), то на основании этих данных можно констатировать относительно очень сильное участие текстильщиков в революционном движении этих первых дней, значительно обгоняющее средние цифры участия в этом движении всего рабочего Ленинграда. В то время, как весь рабочий Ленинград 23-го февраля выдвинул в забастовку 20 процентов своего состава, текстильщики вступили в нее 30 процентами своего состава; для 24-го февраля соответствующие цифры были 42% и 55%, для 25-го — 52% и 71%.

Нужно оговориться, что в эти последние дни стараго режима царская охранка работала уже не с прежнею точностью, она даже не сверяла своих цифр с полицейскими сводками, вследствие чего ее цифры оказались значительно преуменьшенными. По сведениям участковой полиции, число бастовавших 23-го февраля было на 9 тысяч, а 24-го даже на 38 тысяч больше, чем было указано в «Ведомостях» охранного отделения. К сожалению, мы не можем из этих последних цифр указать число не указанных охранным отделением бастовавших текстилей. Но если бы даже сделать совершенно невероятное предположение, что в числе пропущенных охранкою забастовщиков не было ни одного текстильщика, то и в таком случае уча-

стие текстилей в забастовках этих дней все-таки оказалось бы значительно выше среднего. Между тем мы располагаем данными, опровергающими такое предположение. Так, в перечне текстильных фабрик, бастовавших 24-го февраля, в «Ведомостях» охранки пропущена, напр., Новая Бумагопрядильня (ныне им. П. Анисимова), участие которой в забастовке в этот день засвидетельствовано в сводке участковой полиции по 3-му участку Александро-Невской части. Это была одна из тех фабрик, которые ждали, что их «снимут». В сводке по этому поводу отмечено:

«24-го февраля, в 8½ часов утра у фабрики Новая Бумагопрядильня по Обводному каналу собралась большая толпа до 1500 человек, из которой бросали в окна фабрики камнями. К этой толпе присоединились рабочие упомянутой фабрики в числе 2.000 человек». По словам опрошенных мною т.т. Панькиной, Марковой и др., это вестингаузовцы пришли их «снимать». При этом работницы из шпульной обратились к ним с вопросом: «А вы нас бить не будете?». Те только засмеялись в ответ. Когда вышли со двора, от церкви Мирония показались конные городовые. Несмотря на это, один рабочий (это был т. Разоренов, работавший тогда у Вестингауза [1]) поднялся на кучу снега и произнес речь, такую смелую, что «душа загорелась» у наших работниц, и, окружив его кольцом, вся фабрика двинулась на Невский. Дойти не удалось, так как разгоняла полиция. Часть зашла за мост по Боровой до Лиговки. Две работницы, Шура Стоякова и Чернышева пробрались до угла Раз'езжей (по Лиговке). Здесь их начали уговаривать мужчины не ходить на Нев-

[1]) По другим сообщениям, т. Грабовский.

ский, и Стоякова ударила одного из них в грудь за то, что он сказал: «Нечего бабам в это дело соваться». Пробраться на Невский им все же не удалось. Как гласит полицейский отчет, «приставом при содействии конных городовых и наряда пешей полиции толпа была немедленно рассеяна. В то же время толпа разбила стекла в нескольких вагонах трамвая и в нескольких лавках. За разбитие стекол задержана фабричная рабочая Матаева 17 лет». А с вечера уже громили булочные, молочные. При этом также было арестовано несколько наших рабочих и работниц, но уже не на долгий срок.

Василеостровскую Ситценабивную 25-го утром сняли рабочие с Балтийского завода и кожевенники. И тогда уже все вместе двинулись снимать севкабельцев.

С 26-го февраля не оставалось уже ни одной текстильной фабрики, которая бы не приняла участия во всеобщей забастовке. И толпы выливались на улицы все с теми же криками: «хлеба» и «долой войну» и с революционными песнями (которые еще не многие знали в то время) устремлялись на Невский, где все эти дни шла постоянно возобновлявшаяся стрельба. С разных сторон пытались пробраться туда текстильщики, больше всего со стороны Знаменской площади, куда сходились они из-за Невской заставы и с Обводного канала и где вместе с металлистами и со всею прочею массой рабочих, приняли участие в столкновениях с полицией и в большой работе революционного разложения высылавшихся против них отрядов солдат и казаков. При попытке обезоружить околоточного здесь был ранен в плечо выстрелом из браунинга т. Кашихин с Василеостровской Ситценабивной.

Стрельба шла и по окраинам. Имена убитых при этом и раненых наших текстилей не сохранились, большая часть убитых похоронена в числе безыменных жертв революции в общей братской могиле [1]).

В обстановке стихийно развертывавшейся борьбы только немногие отдельные большевики, которых революция застала на наших фабриках, умели сразу найти надлежащее русло для выхода бившего ключом революционного возбуждения массы. Таков был, напр., у Джемс Бека (ныне ф-ка имени Свердлова) старый кружковец и один из основателей Союза (в 1905 г.) Вас. Андр. Лемешев-старший. Своим воодушевлением он сразу увлек за собою работниц и рабочих своей фабрики и повел их «вооружать революцию». Всею массою двинулись они к Гренадерским казармам и образовали перед ними шумный и быстро разраставшийся митинг, после которого «грудью сняли» невыпускавшихся уже несколько дней из казармы солдат, которые, впрочем, уже только того и ждали, чтобы их пришли «снимать», и не только не оказали никакого сопротивления, когда наши рабочие и работницы стали разбивать двери карцеров, где сидели арестованные за разные провинности солдаты (их было до полусотни), но, наоборот,

---

[1]) Были, разумеется, и случайно пострадавшие. На Старо-Сампсониевской мануфактуре (ныне «Октябрьская») в эти дни случайно был убит помощник управляющего фабрикой, англичанин Кей. Он забрался на верхний этаж фабричной водонапорной башни (откуда идет система спринклеров по фабрике) поглядеть на митинг, шедший перед воротами фабрики в устьи Нюшлотского переулка. А позади фабрики был участок и пожарная часть, с каланчи которой начали стрелять по митингу городовые. Им в ответ стали стрелять снизу и одна пуля угодила в окно, у которого стоял Кей.

даже стали передавать им в толпу винтовки и патроны.

Движимый тою же мыслью о необходимости «вооружить революцию», Ив. Ив. Худяков с ф. Керстена принял участие (вместе с работавшими тогда у Дюфлона Скороходовым и с Рубисом от Щетинина) в организации оригинального митинга в бане (на Петрозаводской ул.), куда они в субботу 25-го февраля, переодевшись в солдатские шинели, проникли, улучив время, когда в баню привели мыться солдат пулеметной команды, стоявшей в мастерских на Карповке и в ресторане Мунд на Крестовском острове. Здесь они выступили с призывом не стрелять в рабочих, а выступить вместе с ними под лозунгом «долой войну». Солдаты приветствовали их и обещали поддержку.

А в ночь на 28-е февраля, когда во главе отборного ядра человек в сто рабочих Колтовского района и др., в числе которых было человек 18 от Керстена и, может-быть, столько же с Леонтьевской, они подошли к ресторану Эльдорадо (на Б. Зелениной ул.), где стояла рабочая рота — старые ратники ополчения, — то те из своих резервов выделили 43 (или 53) берданки и отдали рабочим. Тогда, уже возросшею толпою, двинулись к «Мунду» на Крестовский и там получили пулемет, 13 наганов, 8 винтовок и 4 пулеметных ленты. Прапорщик сам накручивал ленты, дал и автомобиль, а часа в 2 ночи вывел весь взвод. И тогда сразу начали громить участок на Б. Зелениной.

С 1-ой Ниточной (ныне имени Халтурина) рабочие 5-го этажа, с т. Абузиным во главе, ходили добывать оружие в Думу и на Литейный проспект, где был тогда ружейный магазин. А потом громили жандармское управление на Тверской и, выбрасы-

Института Ленина при Ц. К. В. К. П. (б.)
134680

вая через окно его дела и документы, сжигали их на разведенных тут же кострах.

В это же время палевские, кожевниковские, максвелевские и др. рабочие примкнули к той массе, которая двинулась громить участки и тюрьмы, освобождая заключенных. В ночь на 28-е февраля (ст.ст.) в числе прочих были освобождены секретарь Союза Фед. Ер. Савельев, Власов, Петров и другие текстильщики, арестованные при закрытии Союза. С торжеством они были посажены на грузовики и привезены в Таврический Дворец, где сразу же, еще не проведенные на выборах, приняли участие в заседаниях только что тем временем возникшего Совета Рабочих Депутатов.

Глава II.

Первые шаги организационного оформления.

Выборы в Совет и в фабричные комитеты.

Стихийно развернувшаяся всеобщая забастовка, выдвигая ряд все время пополняемых экономических требований, настоятельно нуждалась в руководстве, и на большинстве наших фабрик в первые же дни революции, не дожидаясь, покуда воссоздастся разгромленный непосредственно перед революцией Союз, возникли выборные руководящие органы в виде фабричных комитетов, или как они еще назывались, советов фабричных старост. Возникли они на иных фабриках еще до возникновения Совета Рабочих Депутатов, на других выборы в них произошли одновременно с выборами в Совет, на третьих позже, иногда по инициативе членов Совета. Наконец, были такие

фабрики, на которых эти выборы произошли уже после возрождения Союза по его инициативе или же по почину уже сложившихся районных советов.

К числу фабрик, на которых фабричный комитет создался еще до возникновения Совета, принадлежала, между прочим, Торнтоновская фабрика. В забастовку она вступила 26-го числа по призыву группы подошедших с Александровского и Обуховского заводов рабочих. Тогда же составился самочинно комитет, который быстро пополнился выборными от отделений, человек до 30 или 40. На второй день революции, 28-го февраля, часов в 11 утра, созвано было по предложению из Таврического Дворца от Совета общее собрание рабочих и служащих фабрики для выбора депутатов в Совет. Собрание состоялось там же, где и поныне устраиваются собрания на «Красном Ткаче», в так называемой «проходной», где обыкновенно происходила «отметка» приходящих на работу и уходящих с нее рабочих, а по торжественным дням служились молебны перед иконостасом, убранным только в 1921 г. [1]).

На собрании, кандидатов в Совет не об'являлось, никто не хотел итти в депутаты, так как все опасались еще возможности поворота событий в другую сторону. Наконец, кто-то предложил выбрать активнейших членов комитета. «Они же кстати все холостые, пускай идут». Избраны были Станислав Субоч, служивший в то время весовщиком кип, большевик, и беспартийные: слесарь Кагаленко, тяготевший к меньшевикам и писарь

---

[1]) В старое время здесь было даже два иконостаса, но один был убран еще во время первой революции 1905 г.

Павел Степ. Савицкий, склонявшийся к эс-эрам. В кандидаты к ним были избраны беспартийные Еф. Троф. Трофимов, сочувствовавший большевикам, и Гайдо, заведывавший больничною кассой. Через 1½ часа после избрания Савицкий, ссылаясь на «семейные обстоятельства», просил снять с него полномочия.

В тот же день избранники отправились в Таврический дворец, а на другой день перед довольно, правда, малочисленным собранием уже не в «отметке», а в столовой, был сделан первый доклад о заседании Совета. Докладчиком выступил т. Трофимов. Гайдо вообще не выступал в то время, а Кагаленко не сумел бы.

После этого, чуть не каждый день стали устраиваться в «проходной» собрания. Порядок дня устанавливался в ходе собрания и отличался большой пестротой содержания. Протоколов еще не велось. В первую очередь стали приводить «каяться» мастеров.

— «Мастера аппаратного» (или мюльного, и т. п.) «отделения на стол», — кричала толпа.

И мастера проталкивали к столу. Взобравшись на стол, он начинал говорить в свое оправдание, что он де и сам был человек подневольный и что он только передавал вниз то давление, которое производилось на него сверху, и в заключение давал обещание никогда больше таких вещей не делать. Хуже всего пришлось мастерам-англичанам. Их было большинство на фабрике, и многие из них даже плохо понимали по-русски. Здесь они совершенно растерялись. Подымается такой мастер, перепуганный и вспотевший на стол, пробормочет что-то и замолчит. Мастер аппаратного отделения, седой старик, видом своим разжалобил

толпу.—«Да отпустите вы его с миром»,—послышались голоса, и его отпустили [1]).

В это же время ловили городовых. Их было на фабрике человек 30. В первые дни революции они разбежались и с фабрики ребята отправлялись через поле в колонию, куда те в большинстве скрылись, и захватив кого удавалось, препровождали в район. Иные при этом получили и свою долю тумаков, но многие из них, по отзывам, были не плохие ребята, которые жили с рабочими в мире. Не таков был околоточный надзиратель, который позволял себе грубую ругань, а, случалось, и кулачную расправу, особенно с подростками. Этот укрылся, было, у Перси Торнтона, но рабочие пригрозили последнему, что достанется и ему, если будет прятать полицейских. Тогда околоточный решил сам сдаться. Появился он в одежде кающегося грешника: в каком-то малахае, в рязанской потрепанной шубе и валенках (а раньше был щеголь, бывало: ходил на высоких каблуках). Многие хотели его тут же избить или даже в прорубь спустить. Он стал просить пощады, и большинство решило ограничиться тем, что отвели его в район.

Любопытно отметить, что в ловле городовых принимал участие брат Перси Торнтона, Яков Васильевич. Высокий и грузный, бегал он вместе с рабочими, перепрыгивая через изгороди и перелезая через заборы, добросовестно стараясь наискосок перехватить спасающегося бегством городового. Тут, очевидно, действовал охотничий

---

[1]) Такие же сцены происходили и на других фабриках (на Василеостровской ситценабивной в упаковочной, на Новой Бумагопрядильне и т. д.). Тоже нужно сказать и о ловле городовых.

инстинкт спортсмена, заглушивший на время чувство хозяйской солидарности с полицией. Впрочем, на первых порах в английской колонии вообще к русской революции отношение было отнюдь не враждебное, так как там надеялись, что с устранением царского режима усилится энергия русского наступления на фронтах империалистической войны. В этом смысле пробовала даже выступать на собраниях в «отметке» жена Якова Торнтона, в то время очень радикально настроенная дама, пытавшаяся сблизиться с выдвинутыми из рабочей массы в Совет депутатами и приглашавшая даже их к себе на «чашку чая» для беседы на эти темы.

Между тем, по докладу кого-то из фабричного комитета на собрании решили сжечь личные карточки рабочих, хранившиеся в алфавитном порядке в конторе. Торнтон пытался отговорить, чтоб не сжигали, ссылаясь на то, что карточки эти заведены исключительно лишь для учета рабочей силы. Однако, так как при рассмотрении оказались на них пометки разными чернилами на английском языке, то решено было карточки эти все-таки сжечь так как опасались тогда, что эти пометки могут еще, в случае победы контр-революции, послужить материалом для составления черных списков.

Спустя 3 или 4 дня решили произвести аресты контр-революционеров — заведующего производством, Любченко, которому было поручено также и военное снабжение, и англичанина Бульмера. Последнего, однако, в виду его английского подданства, затем решили не трогать. А Любченко поручили арестовать т. Трофимову. Любченко был важный барин, от которого всегда пахло духами. Прихватив двух красногвардейцев, тов. Трофимов

свез его на извозчике в район, помещавшийся в здание школы, рядом с участком. Что случилось с этим барином после этого — неизвестно. На фабрику он больше не возвращался.

Приблизительно так же происходило дело и на других фабриках.

У Джемса Бека, по воспоминаниям Вас. Андр. Лемешева-младшего, выборы в Совет Рабочих Депутатов состоялись на собрании, созванном 28 февраля в механической мастерской. Депутатом в Совет единогласно был избран Егор Андр. Тихонов, кличка «Плашкет» (прядильщик, выдвинувшийся в рабочем движении еще в 1905 г.). Т. Тихонов долго и со слезами на глазах отказывался от такой чести, ссылаясь на то, что он человек семейный и в 1906 г. уже высылался под надзор полиции к себе на родину в Тверскую губернию, и что если вернется старое правительство, то жестоко с ним расправится. Под конец, однако, не устоял перед настояниями собрания и согласился. Предстояло выбрать еще кандидата, и тут снова все отказывались. В это время в мастерскую вошел отметчик Андрей Вас. Белов. Его выкликнули, собрание в один голос стало кричать «просим», и Белов сразу согласился.

«На другой день Тихонов уехал в Таврический на заседание, а Белов, как заместитель его, по постановлению собрания, пошел к хозяину, Вас. Як. Беку, для переговоров о выдаче черной книги, куда вписывались провинившиеся чем либо перед администрацией рабочие и служащие; занесенных в списки этой книги никто из членов общества фабрикантов и заводчиков не принимал на работу. После долгих споров Белов сумел настоять на выдаче этой книги, принес ее на собрание и вручил ее рабочим, которые тут же с торжеством под

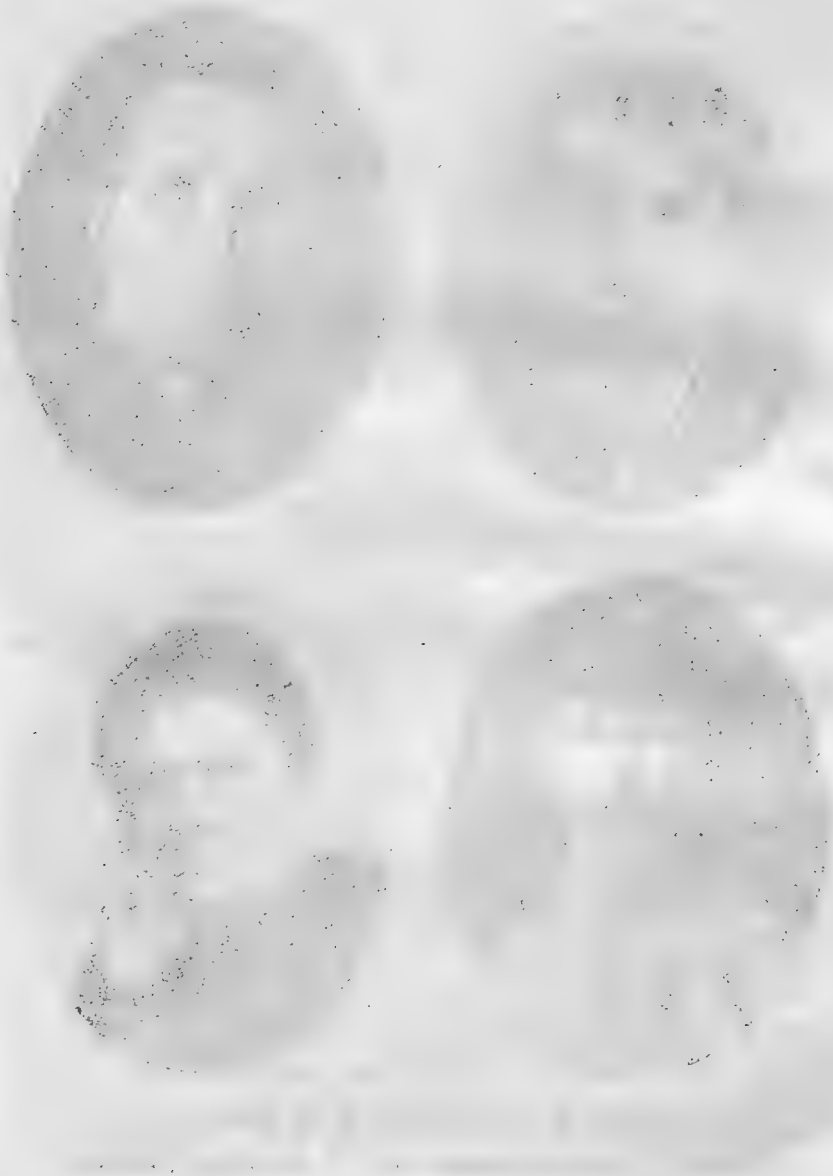
звуки революционных песен, сожгли ее на кузнечном горне».

После этого приступили к выборам фабричных комитетов. Их было выбрано сразу два. Один от рабочих (в него вошли: Тихонов, Ег. Андр., председателем, Ефремов, Фотий — секретарем, Бурмистров, Яков и Салова, Мария). Другой от служащих (в него вошли: председателем Ив. Григ. Козьмин, секретарем — Павел Иванович Грюнталь и членами Андр. Вас. Белов, Перетягин и Анна Булкина).

На Сампсониевской выборы в Совет Р. Д. и в фабричный комитет произошли в один и тот же день 28 февраля. В Совет были избраны конторщик Карабанов, эс-эр, и ткацкий подмастерье Гаврило Косырев, беспартийный. Они же вошли и в первый фабричный комитет. Кроме них туда были избраны еще беспартийные Сапсен, Буздакова и др., всего 9 человек. А по отделениям были избраны старосты, по одному с комплекта, так что всего собиралось на заседаниях человек до 50.

На Северной Ткацкой (ныне им. Желябова) выборы в Совет состоялись 28-го февраля. Собрание было общее обеих фабрик. Избрали от Старой фабрики правого эс-эра Николая Савельева и беспартийного Александра Федорова, а от Новой — ткацкого подмастерья большевика Шишкина и бывшего тогда меньшевиком-интернационалистом Петра Крулика. На четвертый или на пятый день, уже на отдельных собраниях обеих фабрик прошли выборы в фабричный комитет. На Старой были избраны человек 9, большинство беспартийных, а на Новой человек 7 (три подмастерья, остальные ткачихи), большинство меньшевики-интернационалисты. На первой председателем

Вверху: **Ф. Е. Савельев** и **М. О. Брагинский.**
Внизу: **А. Игнатьев-Воробьев** и **А. И. Елизарова (Ульянова).**



был проборщик кусков беспартийный Новиков, на второй — Крулик.

На Кожевниковской (ныне им. Тюшина) депутатом в Совет был избран В. А. Котов, который организовал и первый фабричный комитет из 7 человек, беспартийных. Это были дрофлемщица Настасья Леонтьевна Никитина, ткачихи Серебрякова Ольга, Жаркова Мария, Ядвига Янчевская и Гарезина, и двое из трепальной Иван Андреев и Андрей Никитин. Председателем стала Гарезина, а секретарем Никитина. Рядом с ними работало еще столько же «делегатских», в числе которых была ткачиха Мария Маркелова и др., также беспартийные.

Когда на третьей неделе марта вернулись из ссылки Петр Артемьевич Тюшин из Оренбургской губернии и позже А. Воробьев-Игнатьев из Иркутской, к ним сейчас же была послана делегация с фабрики. Тюшина кожевниковские рабочие помнили еще с 1905 г., когда он прошел от их фабрики выборщиком в комиссию Шидловского, за что тогда был арестован и выслан в Ревель, а Воробьева фабрика знала, так как он лишь незадолго до этого был оторван оттуда со станка. Общее собрание решило отозвать Котова, а на его место послать Тюшина, Котова же делегировать в районный совет. А «Воробья» хотели поставить председателем фабричного комитета. Но Тюшин, с согласия Воробьева, настоял на том, чтобы перевести Воробьева на Новую бумагопрядильню, куда его звали и требовали, как старого работника, пользовавшегося большою любовью и уважением на фабрике, которая в это время нуждалась в энергичном руководителе. В это же время фабричный комитет Кожевниковской фабрики усилился еще вернувшимися из ссылки большевич-

ками Марией Никифоровой и Софьей Базуленковой.

На Новой Бумагопрядильне, инициатива припришла со стороны районного комитета партии большевиков. Проводить выборы оттуда явились т.т. Остроумова и «Ядвига» (Нетупская). На собрании, однако, их перекричали подмастерья и рабочие-мужчины. Особенно враждебно они встретили т. Ядвигу за ее черные волосы: еврейка, мол. Выборы проводились по правилам меньшевисткой «демократии», с участием и директора фабрики, Романа Р. Каменского, который отвел кандидатуры Федорова из больничной кассы и работавшей в то время еще в фабричной лавке Чернышевой, так как они мол не принадлежали к числу рабочих у станка. В Совет провели тогда сочувствовавшего меньшевикам беспартийного Мямлева и Анисью Никитину. В скором времени, однако, их отозвали, на собрании, на котором обсуждался военный заем. На это собрание как раз явился Воробьев-Игнатьев и благодаря его выступлению они с их агитацией за заем и были провалены. Объявлены были новые выборы, и, несмотря на сопротивление подмастерьев, в Совет были проведены «Воробей» и Ольга Чернышева, за которых встали все работницы.

Первый комитет здесь был избран в составе 40 чел. и ему трудно было и поместиться в маленькой комнатушке, где происходили его заседания. Председателем его была т. Лоткова.

На Резвоостровской сначала прошли выборы в Совет рабочих депутатов, избранным оказался Ив. Сид. Смирнов, меньшевик. Затем был избран фабричный комитет из 5 беспартийных.

На фабрике бр. Леонтьевых (ныне «Революция») выборы (вернее, перевыборы) произошли

в первые же дни революции, по инициативе «народа». В фабком было избрано трое беспартийных, да кроме них, совет старост из 15 человек, тоже в большинстве беспартийные. В Совет Рабочих Депутатов были избраны меньшевик Николай Бородин (гравер) и др.

На Палевской фабрике (ныне имени Ногина) выборы в Совет Р. и С.Д. произошли также в первых числах марта. Избраны были шлихтовальщик Петр Евстигнеев, в то время еще бывший беспартийным, и слесарь Монахов, оборонец, эс-эр. Последнего, впрочем, вскоре отозвали за то, что он похристосовался с хозяином. Тогда он пристроился при фабричной лавке, откуда затем скрылся, захватив 27 тысяч рублей. В Совет же на место Монахова был избран мюльщик Иван Огнев, также правый эс-эр.

Фабричный комитет на первых порах был избран из 23 человек по одному из каждой мастерской. Почти все это были беспартийные и безграмотные люди. Председателем фабричного комитета был беспартийный и даже ближе к кадетам по своим политическим взглядам стоявший Ив. Вас. Авдеев, подмастерье из ситценабивной, впоследствии оказавшийся попечителем какой-то церкви. Была, впрочем, в комитете одна коммунистка, Баранова, занявшая даже пост секретаря. (После остановки фабрики она уехала в Смоленскую губернию). Вообще, политически сознательных рабочих на фабрике было мало, человек 12 меньшевиков, да 5 большевиков, зато сравнительно много было эс-эров.

Приведенных примеров, пожалуй, и достаточно для того, чтобы составить общее представление о том, как проходили первые выборы по фабрикам в Совет и в фабричные комитеты и каков был

партийный состав избранных. В большинстве это была беспартийная масса, не освободившаяся еще от иллюзий необходимости сохранения политического руководства страною в руках буржуазии. В Совет, в руках которого, помимо воли и желаний тогдашних его руководителей, сосредоточивалась все растущая доля власти, наши фабрики также выдвинули работников, за несколькими исключениями плохо разбиравшихся в разногласиях политических партий.

Глава III.

Восстановление Союза.

С торжеством революции широко развернулась борьба за 8-часовой рабочий день и другие экономические требования.

В виду отсутствия об'единяющего деятельность фабричных комитетов центра, общее руководство забастовочным движением в эти первые дни революции пришлось взять на себя Совету Рабочих и Солдатских Депутатов. Однако, руководство это проявилось лишь в деятельности по ликвидации всеобщей забастовки. Верховодившие в первом Совете 17-го года герои умеренности и аккуратности из меньшевиков-оборонцев и эс-эров готовы были погасить ее, даже не добившись ни одного из требований, выдвинутых рабочими: ни 8-ми часового дня, ни повышения заработной платы, ни даже признания фабричных комитетов. Здесь они, однако, встретили сопротивление. 5-го марта в заседании Совета в Михайловском театре был поставлен вопрос о прекращении всеобщей забастовки. Докладчиком выступил Чхеидзе. После жарких споров, подавляющим большинством голосов (1170 против 30) была принята

каучуковая резолюция: «возобновление работ в данный момент представляется желательным», с оговоркой, что в случае необходимости забастовка должна возобновиться по первому сигналу [1]).

Лишь очень немногие из наших фабрик возобновили работы, услышав пожелание Совета. 7-го марта на заседании секции Рабочих Депутатов представитель от фабрики Паля (ныне имени Ногина), сообщил, что у них решено приступить к работам и считать часы работы вне 8-часового рабочего дня сверхурочными. Решено также пред'явить администрации требование увеличения зарплаты и введения института старост. В этом же заседании депутат от Максвеля («Рабочий») заявил, что на их фабрике большинство женщин требует введения 8-ми часового рабочего дня и к работам приступят с осуществлением этого требования.

Описывая жизнь Таврического Дворца в эти дни, т. Суханов рассказывает: «... в другом конце комнаты несколько человек во главе с Гвоздевым рассуждали о том, что делать с «некоторыми категориями рабочих» (текстильщики были в числе этих «некоторых категорий». В. П.), все еще не желавших кончать забастовку. Было решено: от имени Исполнительного Комитета еще раз подтвердить в самой энергичной форме о необходимости всем приступить к работам, прибегнуть

---

[1]) В это же время, вслед за призывом партийных организаций Совет дал некоторый толчек к восстановлению Союзов своим призывом (в той же резолюции) «к немедленному созданию и укреплению рабочих организаций всех видов, как опорных пунктов для дальнейшей борьбы за полную ликвидацию старого режима и за классовые идеалы пролетариата».

к содействию в этом деле агитационной комиссии и в однодневный срок разработать проект примирительных камер».

Однако, «содействие агитационной комиссии» мало могло помочь соглашателям. На Новой Бумагопрядильне, напр., дело происходило таким образом. Члены Совета от этой фабрики (Филиппов, Мямлев и Никитина) созвали общее фабричное собрание, на котором выступил специально для этого делегированный из Совета меньшевик Фролов (кажется из типографских рабочих). Он сначала взял резкий тон: «приступайте к работам, иначе — расчет, и повесят вам собачку (замок) на ворота». Работницы возмутились, раздались крики: «Провокатор!.. Ты от кого в Совет послан, от рабочих или от хозяев?». В защиту обидевшегося Фролова выступил директор фабрики Каменский. Он доказывал, что о рабочем дне вопрос надо решать не для одной фабрики, а для всего государства и призывал работать по-старому, ссылаясь на то, что солдаты в окопах в конец обносились: «от рубахи, хорошо, если воротник остался». А если бы министерство утвердило 8-ми часовой день, то обещал, что фабрика заплатит за 2 часа, как за сверхурочные. Рабочие отвечали, что они требуют, чтоб за 8-ми часовой день плата осталась старая, как за 10 часов.

Такое же собрание происходило в прядильной, где оборонец-меньшевик Рождественский, ремонтный слесарь, призывая к тому, чтобы фабрика работала 10½ часов, аргументировал доводами от солидарности с «союзниками»: «что скажут английские товарищи». Против него выступила т. Панькина: «Мы столько жертв принесли, так неужели нам дожидаться указки из-за границы». Эти слова ударили точно искра в пороховой

погрб. «Правильно» — загремело со всех сторон и решно было работать только 8 часов. Подобные сцены происходили и на других фабриках.

Между тем, оказалось, что оборонцы здесь усердствовали даже больше, чем сама буржуазия, которая быстрее наших социал-соглашателей уразумела, что на мякине патриотизма массу уже не проведешь и что здесь необходимы крупные уступки. 10-го и 11-го марта состоялось соглашение Исполнительного Комитета Совета с Обществом фабрикантов и заводчиков насчет новых условий труда. Перепуганные революцией предприниматели решили не оказывать сопротивления осуществлению старого боевого лозунга международного пролетариата о 8-часовом рабочем дне. В то же время они согласились признать фабрично-заводские комитеты с широкими полномочиями в области внутреннего распорядка на фабриках. Рядом с этим учреждались фабричные и центральная примирительные камеры, проект которых рабочей группой Военно-промышленного комитета выдвигался еще летом 1916 года, но был тогда отвергнут Об-вом фабрикантов и заводчиков.

Завоевание 8-ми часового рабочего дня было встречено большим ликованием на наших фабриках, хотя на практике он очень широко нарушался, так как работа сверх 8 часов с согласия фабричных комитетов допускалась при условии оплаты лишних часов как сверхурочных. Однако, если фабриканты надеялись успокоить рабочих такими по их мнению громадными уступками, то они ошиблись. И когда они попробовали за сокращенный день отыграться соответствующим сокращением заработной платы (сохранив прежние рас-

ценки), то они наткнулись на сильнейшее сопротивление рабочих. В условиях продолжающейся войны, под давлением товарного голода и понижения реальной заработной платы, рабочие не хотели и не могли прекратить борьбы, несмотря на все призывы к умеренности со стороны социал-соглашательских партий и находившегося под их влиянием Совета, которому все время приходилось снова и снова ставить на обсуждение вопрос о положении дел на фабриках и заводах и о «восстановлении нормального хода работ», так как все время вспыхивали на фабриках споры, конфликты и забастовки. Тем с большею настоятельностью выяснялась необходимость об'единения руководства этою непрекращающеюся экономической борьбой.

Такое об'единение на первых порах произошло по двум направлениям: во-первых, по линии восстановления Союза, и во-вторых, несколько позже, путем создания Центрального Совета фабрично-заводских комитетов.

Перед революцией Союз был так основательно разгромлен, что пришлось затратить не малую организационную работу для того, чтобы подготовить учредительное собрание воскресающего Союза. Эту работу, хотя и не в достаточно полной мере успели провести в течение первых десяти дней марта несколько партийцев, выдвинувшихся еще при старом режиме на профессиональной работе (Фед. Ер. Савельев, Вас. Никит. Вихорев, Вас. Мих. Цаплин, Вас. Андр. Лемешев, Я. Лукинский и еще несколько товарищей). 7-го марта в «Правде» и 10-го в «Рабочей Газете», за подписью «группы организованных текстильщиков», обратились они к ткачам и ткачихам, мюльщикам, вязальщикам и вообще ко всем рабочим, занятым

обработкой волокнистых веществ, с призывом организовать по фабрикам коллективы и начать проводить запись в профессиональный союз, наметив сознательных и надежных делегатов от фабрик в Союз. О времени и месте учредительного собрания было оповещено особыми листками, расклеенными на улицах. Собрание было назначено на 5 часов вечера 11-го марта в зале Калашниковской биржи. Оно открылось при наличности 1000 человек. «Давно уже текстильщики не собирались такою массою» — замечает «Правда» в своем отчете об этом собрании (№ 12 от 18-го марта 1917 г.) — «и потому все так радостны».

Председателем собрания был избран В. М. Цаплин. Он же выступил и с докладом о текущем моменте. Смысл его речи был тот, что после устранения препятствий, мешавших свободно строить организацию, нужна большая работа для закрепления и расширения приобретенных прав. Затем были произведены выборы членов правления и в Совет Р. и С. Д. В Правление Союза были избраны 20 человек, по одному от каждой из представленных на этом собрании 18 фабрик и двое от вязальных мастерских [1]). В числе этих 20 членов правления было 11 женщин, все беспартийные. Из мужчин партийных было трое: Савельев, Вихорев и Лукинский, все трое большевики.

---

[1]) Приводим список этого первого после революции состава Правления: Е. И. Андреева, Е. П. Булыгина, Ф. Г. Григорьева, Ф. Г. Еремина, Е. Г. Иванова, М. И. Иванова, Е. К. Карпова, Ал. Коропова, А. Лоткова (Нов. Б.), Е. Д. Оськина, А. М. Петрова, П. И. Поясов, В. Н. Вихорев (вяз.), В. А. Казанков, А. А. Ловков, Як. Лукинский (вяз.), Ф. Е. Савельев, Ф. А. Соловьев, С. Соколов (Росс.), И. М. Старостин (Кожевн.).

В Совет рабочих депутатов был избран секретарь собрания, бывший и до революции секретарем союза и теперь только что избранный в правление, Ф. Е. Савельев. Это было, собственно говоря только оформление его мандата, так как со времени своего освобождения из тюрьмы, он уже заседал в Совете.

После этого собрание определило величину членского взноса. До революции вступительный взнос был 25 коп., месячный 20 коп. Считаясь с падением покупательной силы денег, собрание постановило увеличить вступительный взнос до 50 коп., а месячный до 30 коп.

В заключение, с докладом о целях и задачах «Общества» (как по старой памяти еще продолжали называть союз) выступил т. Савельев. Доклад его по содержанию продолжал и усиливал ряд мыслей, высказанных в начале собрания т. Цаплиным. Основная мысль его была, что освободившись от политического гнета, рабочие должны напречь все силы, чтобы в быстрейший срок освободиться и от экономического рабства. Как на один из путей, ведущих к этой цели, он и указывал на профессиональные союзы и призывал к усиленной агитации за вступление в союз. Призывал также к немедленной организации фабричных комитетов, где они еще не успели создаться. Закончилось собрание пением гимна памяти жертв революции «Вы жертвою пали» и «Марсельезы». (В то время еще лишь немногие умели петь «Интернационал»).

Помещение себе правление временно нашло на Свечном переулке, 11 (комн. 78), где в годы войны помещалась редакция журнала «Текстильщик». Здесь и производилась запись в члены «Общества» ежедневно от 7 до 10 часов вечера. В начале

апреля «бюро правления» переехало на Обводный канал (д. № 56 кв. 37), на углу Боровой, где была камера мирового судьи 29-го участка. Заседания правления происходили в этом помещении по воскресеньям. На этой квартире правление оставалось до конца мая, когда оно перебралось на Фурштадтскую, 40, куда перебрались к этому времени и другие союзы.

Деятельность Союза на первых порах, естественно, была сосредоточена главным образом на организационной работе. В первую очередь — это была работа по записи членов, нахлынувших в Союз в небывалых до того количествах. Чтобы дать понятие о быстроте, с какою росло число членов союза, достаточно указать, что к апрелю оно уже достигало 10.000, к маю 18.000, к июню 25.000, к июлю 28.000, к августу 30.000, тогда как за все время дореволюционной жизни Союза оно никогда не превышало 3.000, обыкновенно же бывало значительно ниже. Со всей этой массы, зарегистрировав ее, надо было организовать получение вступительных, собирание ежемесячных членских взносов. А у Союза не было подготовленных работников; в качестве технического работника служила занятая больше партийными делами меньшевичка Роза, анекдотическая конторщица, работавшая день-два в неделю и на вопрос, почему плохо работает, отвечавшая: «я не у фабриканта работаю, а в рабочей организации». Ее, впрочем, не долго терпели.

Так-сяк с работою Союз все-таки справлялся благодаря энергии Вихорева и особенно Савельева, который работал в это время не меньше 18 часов в сутки, днем раз'езжая по фабрикам, проводя там собрания (которые в то время часто происходили в рабочее время), разбирая конфликты или на-

ставляя азбуке профработы делегатов или членов фабкома. Большую помощь работе правления оказывал в это время также Н. И. Лебедев, хотя он и числился еще временно на заводе «Новый Лесснер». С марта же месяца в качестве представителя от текстилей он стал работать по созданию Петербургского Центрального Бюро профсоюзов, а вскоре после этого он кроме того стал работать, также представителем от текстилей, в комиссии законодательных предположений при министерстве труда.

В помещении союза работа производилась в вечерние часы. Здесь ежедневно заседало «бюро правления», состоявшее из Вихорева, который был избран председателем, Савельева, который был секретарем, и Семена Соколова, члена правления от Российской мануфактуры (ныне «Веретено»). К ним на помощь являлись еще по очереди человека два-три дежурных членов правления.

Наплыв членов был так велик, что правление отказалось регистрировать их по одиночке и предложило организовать запись по фабрикам, откуда в правление поступали уже готовые списки. Разгрузившись от этой работы, «бюро» сумело до некоторой степени упорядочить отчетность по поступлению и расходованию членских взносов. Казначеем поставили Вас. Никит. Вихорева, несмотря на то, что он только что был избран на пост председателя Союза, и он выполнял обе эти службы до середины мая, когда, с усложнением работы в Союзе, попросил снять с него одну из этих обязанностей. Тогда на пост председателя Союза был избран Семен Соколов, а Вихорев переизбираемый на всех выборах, до самой своей смерти (в апреле 1919 г.) оставался бессменным казначеем Союза. Человек он был, как он сам вы-

ражался, «совсем не шибко грамотный, а скорее наоборот, шибко неграмотный», но, как старый работник Союза и убежденный коммунист, пользовался большим влиянием на массы и, при той чрезвычайно примитивной на первых порах постановке отчетности в союзе, только благодаря его испытанной честности дело обходилось без растрат. А суммы в кассу союза поступали не малые, как можно видеть из нижеследующей таблицы о поступлении членских взносов за первые четыре месяца после революции:

	К 1 апреля.	1 мая.	1 июня.	1 июля.
Вступительных .	4.000 р.	3.500 р.	1.500 р.	1.000 р.
Ежемесячных . .	711 р.	4.800 р.	6.600 р.	10.000 р.

Глава IV.

Апрельские и майские дни.

В это время события «теснились шумною чередою» и весь этот год политическая борьба переплеталась с экономическою, быстро проясняя сознание масс. Этому прояснению много способствовал приезд Ленина и других большевистских вождей. Весть о приезде Ленина была получена всего лишь за два часа до прихода поезда и встреча вождя была организована наспех. С наскоро написанным в райкоме партии плакатом: «сегодня приезжает Ленин!» прошла несколько раз по Сампсониевскому (ныне Карла Маркса) проспекту работница «Красного Маяка» т. Токарева, и в прихлынувшей к Финляндскому вокзалу несметной массе лишь рабочие нескольких текстильных фабрик Выборгской стороны да небольшой отряд с Новой Бумагопрядильной могли слышать первую речь Ленина.

Со времени этой первой встречи, постепенно все более и более широкие круги текстилей (вместе со всем ленинградским, а затем и российским пролетариатом) приучались идти за лозунгами большевиков, выступая против господствовавших на первых порах в рабочей массе меньшевиков и эс-эров. И если еще на похоронах жертв революции (23-го марта), в упоении победы над только что поверженным общим врагом, рабочая масса с одинаковым восторгом слушала речи ораторов различных партий, то на празднике 1 Мая уже наметилось первое различение и расхождение в массах.

Социал-соглашатели назначили было первомайские торжества по календарю старого стиля. Однако, благодаря уже крепнущим связям с районами и полками большевикам удалось организовать первомайский праздник 18-го апреля старого стиля (т.-е. 1-го по новому). По директиве Центрального бюро союзов (как тогда назывался еще Совет профсоюзов) предполагалось, что каждый союз поведет отдельной колонной рабочих объединяемых им предприятий. Нашему Союзу лишь частично удалось осуществить эту директиву, так как его влияние по фабрикам было еще недостаточно сильно. В колонне союза пошли только Новая Бумагопрядильня и Кожевниковская, да в пути присоединилось еще около сотни вязальщиков. В разных концах Марсова Поля стояли импровизированные трибуны различных партий, с которых ораторы произносили соответственные речи. И смотря по тому, кто шел во главе колонны, она подходила и слушала оратора той или другой партии. Руководимая А. Воробьевым, Ф. Савельевым и В. Вихоревым, колонна союза подошла к грузовику, с которого развевались знамена ЦК и

На вечере воспоминаний.

На заднем плане: **Карнизова-Козловская, В. Лемешев старш., Охмарова, Тюшин, Панькина** (стоит), **Митрохин, Чернышева, Худяков.** На переднем: **Абузич, Перазич, Трофимов, Ефимова, Мархель.**

ПК партии большевиков и с которого говорили речи Ленин и Зиновьев [1]). Остальные фабрики двигались с колоннами своих районов. Колонна керстеновцев и леонтьевских подошла сначала к трибуне меньшевиков, с которой говорили Чхеидзе и Скобелев, но затем передвинулась к грузовику большевиков, с которого в это время говорил т. Восков.

В этот самый день, когда впервые в России свободно праздновался международный пролетарский праздник и рабочие демострировали свое стремление к миру, министр иностр. дел Милюков по телеграфу заверил союзные державы от имени временного правительства, что последнее «будет вполне соблюдать обязательства, принятые в отношении наших союзников» царским правительством, и что с победою революции «всенародное стремление довести мировую войну до решительной победы лишь усилилось».

Опубликованная 20-го апреля (3 мая), эта нота Милюкова, по выражению Ленина, произвела впечатление разорвавшейся бомбы. В тот же день зашумели по казармам, по заводам, по фабрикам митинги, выносившие резолюции о мире без аннексий и контрибуций и требования немедленной отставки Милюкова. А вечером были демонстрации и столкновения на улицах с сторонниками временного правительства. Последние распространяли кадетскую прокламацию, звавшую всех на улицу. С другой стороны, подготовлялись к демонстрации и большевики. Из райкомов на фабрики, где у них были связи, передали они свои лозунги

---

[1]) Подробнее о первомайском празднике текстилей в 1917 г. рассказано в воспоминаниях Д. Вихорева в «Ленинградских Текстилях» (1928, № 5).

для знамен и плакатов. Из наших фабрик приняли участие в выступлении только Новая Бумагопрядильня, Кожевниковская мануфактура и частично выступила и Охтенская Бумагопрядильня. На Новой был изготовлен плакат на белом полотне и большое знамя за 500 р. Лозунги были: «Долой Гучкова и Милюкова!», «Вся власть советам!».

21-го апреля работницы этих фабрик (мужчин с ними было очень мало) двинулись, с демонстрацией на Невский. Они шли по его нечетной стороне. А по четной параллельно с ними двигалась другая демонстрирующая толпа. Это были сторонники временного правительства, нарядные дамы офицеры, купцы, адвокаты и т. п. Лозунги на их плакатах были: «Да здравствует временное правительство!», «Да здравствует П. Н. Милюков!», «Арестовать Ленина!». На углу Садовой обе демонстрации столкнулись. Здесь на наших работниц посыпалась ругань: «Бесчулочницы! Безграмотная рвань! Грязнухи подлые!». Тут не стерпела Пелагея Романовна (сестра Надуваева): «Шляпки на вас из нашей крови!» и началась рукопашная. Знамена Новой Бумагопрядильной несли Онька Никитина и 16-летняя Таня Журавкова. Их сбили с ног, и отняли, и порвали знамена. Лоскут большого шелкового знамени вырвала из рук какой-то дамы Чернышева. Так же было и со знаменем Кожевниковской фабрики. Его несла Юхмарова, когда к ней подошел какой-то мужчина в матросской форме: «Давайте, я понесу!». Она передала ему знамя, а он ударил ее древком по голове и стал рвать знамя. В ответ и наши работницы порвали несколько вражьих знамен, при чем в рукопашной срывали нарядные шляпки и царапали лица буржуазных дам. В это время подошел к нашим отряд матросов с музыкой и кадет-

ская демонстрация отступила. После этого демонстрирующие работницы со спасенным лоскутом красного знамени прошли на Васильевский остров до Морского корпуса, где шло заседание Совета, откуда наших демонстранток уже проводил отряд путиловцев до Екатерингофского проспекта.

В некоторой связи с этим выступлением на Новой Бумагопрядильне обострились отношения подмастерьев с фабричным комитетом. Большинство их продвинулось до революции благодаря отбору со стороны хозяев, которым, рядом с техническими руководителями, нужны были «подгонялы» «кнуты» для рабочих. Некоторые прежде состояли в «Союзе русского народа» или «Михаила Архангела», теперь примкнули к кадетам или в лучшем случае к оборонцам, меньшевикам или эс-эрам. Считая себя патриотами, они были возмущены тем, что Воробьев и Чернышева увлекли за собою всю фабрику демонстрировать против временного правительства и Милюкова.

Их недовольство прорвалось по следующему поводу. Один из них, Павлуха Журавлев, приглашенный по жалобе какой-то работницы в фабричный комитет, отказался явиться и грубою трехэтажною руганью оскорбил работниц-членов комитета. Тогда фабр. комитет постановил его рассчитать и передать в суд, и он был уволен. За него вступились остальные подмастерья, требуя возвращения Журавлева.

На утро подмастерья устроили забастовку, направленную против фабричного комитета, заявив, что отказываются ладить станки, если останутся в фабричном комитете Воробьев и Чернышева. Тогда работницы об'явили: «А если Воробей и Чернышева уйдут из фабричного комитета и вернется Павлуха, то мы не станем работать». Подмастерья

уперлись и настаивали на своем. Вмешалась в этот спор правление Союза и предложило подмастерьям стать на работу. Они сначала согласились, но потом отказались. Тогда работницы решили, что обойдутся и без подмастерьев. И в самом деле, назначили работниц, которые стали работать за подмастерьев.

Разумеется, много портили, и основы тяжело было носить, но в конце-концов так-сяк справлялись. Тогда подмастерья, увидев, что дело затягивается и что работницы, пожалуй, и вправду выработаются в настоящих подмастерьев, запросились на фабрику. Но теперь уже работницы отказывались принять их. Тогда они обратились в правление Союза, чтобы оно помогло им вернуться на работу. Конфликт грозил разростись, так как подмастерья 15 ткацких фабрик подали заявление в правление Союза, что забастуют, если их товарищи с Новой Бумагопрядильни не будут возвращены на работу. Раньше, чем обсуждать это заявление, правление предложило снять угрозу забастовки, что и было сделано. Тогда была избрана комиссия в составе 1 представителя Центр. Совета (или Ц. Б., как он еще назывался) проф. союзов, 1 представителя правления Союза, 2 представителей от фабричного комитета Новой Бумагопрядильни и 2 от подмастерьев. К этому времени имелось постановление общего собрания ткачих Новой Бумагопрядильни о принятии всех подмастерьев, кроме 11. Комиссия предложила принятым подмастерьям немедленно стать на работу, а относительно остальных решила после того, как они заявят о своей готовности подчиниться решениям всех рабочих организаций, предложить общему собранию фабрики принять их обратно. Фабричный комитет Новой Бумагопрядильни на

это согласился, но общее собрание работниц постановило вопрос о принятии этих одиннадцати голосовать не обо всех сразу, а о каждом в отдельности. В результате шестерых приняли, а пятерых, несмотря на все уговоры присутствовавшего на собрании Савельева, собрание отказалось принять. Назначена была новая комиссия, но из этого ничего не вышло.

Окончательное решение о ликвидации этой забастовки подмастерьев было принято после разбора жалобы подмастерьев на фабр. комитет и вообще на рабочих Новой Бумагопрядильни в нар. суде Нарвского района. От Союза на этом суде выступал в защиту фабкома и рабочих т. Лебедев. Суд признал действия подмастерьев неправильными и в удовлетворении их иска отказал. После этого во дворе фабрики состоялось общее собрание, которое подтвердило свое прежнее решение, и эти пятеро подмастерьев так и остались тогда выброшенными за борт.

Глава V.

Организационные трудности.

С регистрацией членов и постановкою дела приема членских взносов была создана материальная основа для развертывания деятельности союза. Работникам его предстояло теперь поработать над определением организационных рамок этой деятельности, выработать «конституцию» союза и создать аппарат для проведения решений правления на местах. Работа эта, как и естественно для поры революционного строительства, в обстановке бушующей классовой борьбы, проводилась ощупью, с оглядкой на то, что делается в сосед-

них союзах, приспособляя опыт дореволюционных организаций к новым условиям. «Конституция» на первых порах возникла не писанная, путем соподчинения всего, что здесь самочинно возникало на местах, и всего, что планомерно организовывалось сверху. В итоге получились довольно пестрая картина разнообразных взаимоотношений «низовых» и «верхушечных» организаций союза.

На учредительном собрании союза после выборов правления товарищам на местах было предложено организовать на фабриках местные ячейки союза. Первоначально эти ячейки группировались вокруг делегатов, ведших запись новых членов, собиравших членские взносы и служивших связующим звеном между ячейкой и правлением союза. Лучшими ячейками союза правление с самого начала признало существовавшие уже на многих фабриках фабричные комитеты, и оно немедленно приступило к организации их на тех фабриках, где они еще не были созданы по инициативе Совета или же самочинно, по инициативе «народа», как тогда называла себя рабочая масса на фабриках. При этом по мере организации фабричных комитетов, в их руки сразу передавалась и запись новых членов и сбор членских взносов и сношения с правлением союза, делегаты же на таких фабриках становились служебными органами фабричного комитета. Между тем, фабрики с независимо от союза возникшими фабр. комитетами [1]) сохраняли еще старое отношение между делегатами и фабр. комитетами, и здесь нашему

---

[1]) Слово «фабком» в то время еще не было в употреблении. Оно возникло лишь в 1918 г.

союзу понадобилось около году времени, пока фабр. комитеты признали себя низовым аппаратом союза. Потому что правовою основой фабричных комитетов было соглашение, состоявшееся 10-го марта, между Петроградским Советом Рабочих и солдатских Депутатов и Петроградским Обществом фабрикантов и заводчиков, предоставлявшее фабричному комитету, между прочим, право самостоятельного «представительства рабочих данного предприятия в их сношениях с правительственными и общественными учреждениями». К тому же фабричный комитет был и чувствовал себя представительством всей массы рабочих на фабрике, так как избирался на основе всеобщего, равного и т. д. избирательного права, а не только той дроби этой массы, которая входила в число членов союза.

Правда, дробь эта все время и очень быстро росла. Однако, и особенно на первых порах, иные из наших фабричных комитетов чувствовали себя на этих основаниях вправе действовать, и не согласуя своих действий с постановлениями и решениями союза, тем более, что рядом с профессиональным союзом уже в мае образовался другой центр, стремившийся об'единить работу фабричных комитетов, именно Центральный Совет фабрично-заводских комитетов, с которым некоторые из наших фабричных комитетов (напр., ф. к. Кожевниковской мануфактуры, Новой Бумагопрядильни и др. держали крепкую связь. Из текстильщиков в нем было несколько человек, пользовавшихся большим влиянием на наших фабриках. Достаточно здесь назвать имя П. А. Тюшина.

Резких разногласий у Союза с Центр. Советом ф.-з. комитетов, правда, не было (они были у по-

следнего с Центр. Бюро проф. союзов), но в мелочах иногда чувствовался разнобой. Размежевание сфер компетенции произошло несколько позднее и круг, впрочем, уже недолгой, деятельности Центрального Совета ф.-з. комитетов был ограничен руководством в области рабочего контроля.

Не сразу было найдено решение и при определении верховного законодательного органа Союза. Сначала признали было таким органом по старой традиции от дореволюционных времен, общее собрание всех членов союза. Первое время после собрания на Калашниковской бирже созыв общего собрания еще казался возможным и только из-за громоздкости его откладывали. Между тем, число членов росло и когда попытались в воскресный день 28-го мая в 4 часа дня собрать в цирке Модерн (по соседству с дворцом Кшесинской) общее собрание членов Союза, то неудача этой попытки (отсутствие кворума) показала, что форма непосредственного народоправства, еще пригодная для союза с двумя-тремя тысячами членов, не годится уже для союза с числом членов, превысившим 20 тысяч.

Правлению пришлось в ближайший же срок (на 4-е июня) созвать общегородскую конференцию делегатов текстильных фабрик для резрешения вопросов, которые оказалось невозможно разрешить на общем собрании. Конференция эта состоялась в помещении Петровского коммерческого училища (на 6-й Рождественской). Присутствовали на ней делегатов с 26 фабрик и от вязальщиков и басонщиков, всего 300 чел. Председателем конференции был Тюшин. На этой конференции были произведены перевыборы правления, которое на этот раз избрали в составе 15 чел. (по

2 от районов, 1 от вязальщиков и отдельно секретарь и председатель) [1]).

Следует отметить, что в то время, как в первом правлении большинство были женщины, в состав нового теперь их прошло только две.

Этою же делегатской конференцией был принят и «Устав профессионального Союза Работниц и рабочих волокнистых веществ». [2]).

На основе этой, уже писанной, «конституции» союза, верховным законодательным органом союза признавалось общегородское делегатское собрание, правление же исполнительным органом союза. Делегатское собрание получило название Центрального делегатского совета. Согласно выработанной правлением и утвержденной Дел. Советом в августе 1917 г. инструкции, в него посылались делегаты от каждых 50 членов союза, избиравшиеся на 6-ти месячный срок. Предприятия с меньшим числом членов об'единялись для выбора делегатов. Где такое об'единение было невозможно, выбирались уполномоченные с правом совещательного голоса. Фабричное собрание имело право отозвать делегата и до истечения срока и бывали случаи, когда делегаты отзывались фабриками и мастерскими и переизбирались (однако о причинах такого отозвания до сведения правления не доводилось). Центральный делегатский совет собирался не реже одного раза в месяц.

---

[1]) Это были: П. А. Мамошкин, Федул Иванов, Смирнов, Вас. Петров, Тихонов, Ляхов, М. И. Боков, Н. И. Лебедев, А. Г. Болдырева, В. С. Лебедева, В. Н. Вихорев, Абр. Прохоров, Кулыгин, Г. Власов, Савельев.

[2]) Экземпляр его, переписанный на машинке, сохранился в нашем архиве. На нем пометка карандашем рукою Н. И. Лебедева: «Отпечатать в количестве 50 тысяч экземпляров как членские билеты». Однако, печатного экземпляра нам не удалось разыскать.

Членский взнос был определен в размере ½% заработка.

Такой порядок держался до февраля 1918 года, когда согласно решению январьского с'езда профсоюзов, законодательным органом союза была признана конференция фабричных комитетов, которые к этому времени у нас на подавляющем большинстве фабрик фактически превратились в низовой аппарат, в первичный орган союза.

Тип союза, согласно этому первому его пореволюционому уставу, намечался уже производственный, так как в нем указывалось, что целью своею Союз ставит «об'единение всех работниц и рабочих, занятых в текстильной промышлености». Однако же, об'единение по производственному принципу на первых порах у нас еще не было доведено до конца. Параграф 3-й устава признавал членом союза всякого платящего членский взнос р а б о ч е г о текстильных предприятий (за исключением административного состава и «лиц опороченных товарищеским третейским судом»). Таким образом, по самому определению состава союза членами его еще не могли состоять служащие текстильных предприятий. Но и в среде рабочих наших фабрик оказались группы, которые на первых порах не соглашались входить в наш союз. Это были рабочие ремонтного цеха, предпочитавшие оставаться в союзах своих профессий, обеспечивавших им в то время лучшие условия труда и оплаты. И Союзу нашему предстояла еще большая работа по согласованию норм оплаты, количества сверхурочных часов и др. условий труда, чтобы устранить то сопротивление, которое еще долго оказывали вхождению в Союз Текстильщиков рабочие ремонтного цеха. На первые собрания, созывавшиеся с этою целью правлением союза

на 8-е, а затем на 11-е июня ст. ст. они попросту не явились в числе достаточном, чтобы можно было принимать какие-либо решения. И союзу приходилось много времени и сил тратить на улаживание различных конфликтов, возникавших в связи с этим вопросом. При этом иногда создавалось чрезвычайно тяжелое положение, как это было, напр. на Леонтьевской и других фабриках, которые принуждены были на довольно продолжительный срок приостановить работу, когда, в начале октября члены союза деревообделочников, работавшие на этих фабриках в ремонтно-механическом отделении, забастовали, подчиняясь решению своего союза, об'явившего всеобщую забастовку деревообделочников, несмотря на то, что сами они не были недовольны условиями своей работы на наших фабриках. Забастовка затянулась, а для наших рабочих это было, что называется, в чужом пиру похмелье. Прекратилась она лишь с октябрьским переворотом. Случай этот, между прочим, послужил на январьском 1918 г. с'езде профсоюзов ярким доводом в защиту необходимости при проведении производственного принципа в строительстве союзов более твердого курса, чем тот, который был намечен июньскою 1917 г. конференцией профсоюзов.

Для устранения подобного рода недочетов организационной структуры нужна была большая планомерная работа, охватом своим выходившая за пределы местного ленинградского организационного строительства профсоюзов. Правление нашего союза приняло деятельное участие в этой работе. На только-что упомянутую нами Всероссийскую конференцию проф. союзов, состоявшуюся 20—28 июня в Петрограде, оно делегировало Власова, Лебедева, Магидова и Петрова, поручив

им, помимо участия в общих работах конференции, связаться с текстильщиками других городов. По количеству представленных членов (около 179 тысяч) текстилям на этот конференции принадлежало второе место (первое место заняли металлисты с 400 тыс. членов). На конференции было устроено особое совещание текстильной делегации, на котором было решено не позднее 15 августа созвать всероссийскую конференцию текстильщиков. Для созыва ее решено было создать организационную комиссию в составе пяти представителей от 5 текстильных центров (Питера, Москвы, Иванова-Вознесенска с Кинешмой, Орехова-Зуева и Костромы), техника осведомления и созыва была при этом поручена Иваново-Кинешемскому областному союзу, хозяйственная сторона возложена на правление Московского союза. Организационная комиссия должна была быть созвана не позже 15-го июля в Москве, где должна была собраться и конференция. Однако, оказалось, что ни Москва, ни Иваново-Вознесенск не выполнили поручений, возложенных на них питерским июньским совещанием [1]). Обеспокоенное просрочкою назначенного для созыва организационной комиссии времени, правление нашего союза тогда делегировало Н. И. Лебедева в Москву «толкнуть хорошо начавшееся, но (почему-то) застрявшее дело вперед». Тут выяснились причины задержки и с этого момента москвичи энергично взялись за дело. 6-го августа уже состоялось организационное собрание для подготовки к Всероссийской конференции. Сама

[1]) Произошло это потому, что московский представитель на этом совещании, вернувшись, вышел из правления московского союза, не сделав доклада ни о совещании, ни о его решениях. А Ивановцы, без связи с Москвою, тоже не могли выполнить постановления Питерского совещания.

эта конференция, известная под именем «Первого всероссийского совещания текстильщиков», могла открыться только 23-го сентября. На этой конференции был создан временный Всероссийский Центральный Комитет Текстильщиков, принято положение о нем и устав 1-го Всероссийского с'езда Текстильщиков который состоялся уже в конце января 1918 г. [2]).

Глава VI.

Экономическая борьба и тарифная работа Союза.

Для достижения целей Союза (об'единения для борьбы за улучшение экономического и правового положения текстильщиков, содействия поднятию их культурного уровня и развитию классового самосознания) принятый делегатским советом 4-го июня устав намечал широкую программу деятельности, многие пункты которой особенно, в области культработы лишь в настоящее время приводятся Союзом в исполнение.

В первый год пореволюционного его существования, главное внимание союза было направлено на экономическую борьбу текстильщиков, «руководство всеми формами» которой уставом выдвигалась как одна из главнейших задач его. Однако, справиться с этою задачей на первых порах союзу удавалось лишь в очень слабой мере, и первые месяцы после февральской революции отмечены развитием неорганизованной стихийной борьбы наших рабочих. Вызывалась эта борьба тем, что чересчур далеко отстала заработная плата текстильщи-

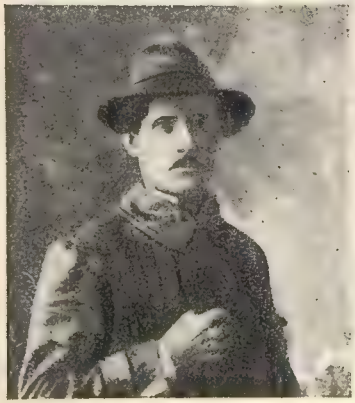
[2]) Подробнее об этом рассказано в статье Н. И. Лебедева «От местных — к единому всероссийскому союзу» в «Юбилейном сборнике ЦК ВПСТ» М. 1922 г.

ков от бешеного роста дороговизны: по сравнению с довоенным временем она повысилась лишь в два раза, тогда как цены на продукты и предметы первой необходимости поднялись в три, четыре, пять и более раз [1]).

Секретарь союза еще с апреля начал собирать относящиеся сюда материалы, но он был загружен другою работою, а на фабриках, многие из которых к тому же только-что вступали в число членов союза, некогда было ждать, когда-то союзу удастся приступить к разрешению вопроса об общем тарифе для всего производства. И одна за другою, каждая фабрика в отдельности пред'являла предпринимателям самые разнообразные требования и отстаивала их в меру энергии своего фабричного комитета и готовности своей вести борьбу за них. И забастовки вспыхивали на одной фабрике за другою.

Когда-то с 1906-го и в дальнейшие годы крепнувшей реакции, текстильные фабриканты последовательно и решительно отказывали союзу в признании за ним права быть посредником со стороны рабочих при столкновениях последних с хозяином. Уверенные в дружеской поддержке градоначальника и жандармов, они знали, что стоит только убрать подальше, в тюрьму и ссылку, «зачинщиков», да продержать за воротами, пригрозив рас-

[1]) По данным, приведенным т. М. О. Брагинским в его статье о «тарифной работе союза» (в «Юбилейном Сборнике ЦК ВПСТ»), средний годовой заработок текстильщиков определялся в 1914 г. в 283 г. 59 к., а в месяц — около 22 рублей (у металлистов он тогда был 533 р. 28 к.), в 1915 г. он равнялся 357 р. 88 к., в 1916 г. 543 р. 95 к. (у металлистов 1050 р. 60 к.). По данным, полученным мною у Лог. Григ. Миллера, средняя дневная плата питерскому ткачу была на 1-ое августа 1914 г. 1 р. 19 к., на то же число в 1915 г. 1 р. 47 к., в 1916 г. 2 р. 15 к., в 1917 г. 6 р. 78 к.



В центре: **В. Н. Вихорев.**
Вверху: **О. Ф. Чернышева** и **П. А. Тюшин.**
Внизу: **Е. Т. Трофимов** и **Н. И. Лебедев.**

четом, остальных, чтобы те согласились, даже сквозь «сито», вернуться к станкам. Лишь в случае срочных заказов приходилось иногда выбросить грошевую уступку. И хозяева предпочитали иметь дело с людскою пылью у себя на фабриках, не допуская посредничества союза, в котором они справедливо видели организатора сопротивления своих подневольных рабов.

Теперь картина изменилась. В урагане революции исчез Держиморда, и пыль людская превратилась неожиданно в грозный смерч, несущий уничтожение капиталу. И тогда у фабрикантов отпала охота договариваться со своими рабочими, в случае «недоразумений», и они стали искать посредников.

Оно и понятно было, хотя бы в виду быстроты, с которою менялся тон, в каком формулировались требования рабочих. Например, на 1-й Ниточной мануфактуре (ныне ф-ка им. Халтурина), в протоколе заседания фабричного комитета 14-го марта 1917 г. еще говорится: «Постановили представить ходатайство фабричной администрации об удовлетворении просьбы своих рабочих».

А через 2 месяца, в резолюции уже об'единенного заседания представителей «рабочих комитетов» товарищества Невской Ниточной мануфактуры, обнимавшего 4 фабрики: 1-ю ниточную, Кенига, (ныне «Советская Звезда»), Невку (ныне «Красная Нить») и Невскую бумагопрядильню (ныне «часть ф-ки им. Халтурина») — говорится, что в виду отказа Правления по экономическим соображениям удовлетворить требования рабочих, они постановили «проверить покупку всего сырого материала, потребляемого на выработку продуктов, вывозящихся на рынок, чтобы констатировать ваши экономическиесо-

ображения» и только, если они окажутся правильными, согласиться на сделанное со стороны администрации приглашение пойти на рассмотрение расценков в примирительную камеру. Тут уже не смиренное ходатайство, а решение заглянуть в хозяйские счета и книги, с целью проверки хозяйских утверждений, это уже первый шаг к рабочему контролю над производством. И это были еще цветочки, а ягодки грозили быть впереди.

На первых порах значительную часть экономической борьбы многие предприниматели и все социал-соглашатели надеялись отвести в русло примирительных камер, где, несмотря на то, что камеры эти были построены на паритетных началах (т.-е. на равном представительстве рабочих и предпринимателей), общая линия проводилась в сторону урезывания требований рабочих, так как в составе президиума Центральной примирительной камеры представителями от рабочих были два меньшевика (правый оборонец В. С. Войтинский и В. Д. Рубцов) и только один большевик (В. В. Шмидт). Если прибавить, что председателем Центр. камеры был очень близкий к кадетам эн-эс (народный социалист) Плансон, то ясно станет, что здесь делалось все, чтобы только не оставить в обиде предпринимателей.

Благодаря этому, Центральная примирительная камера (ее, к слову сказать, гостеприимно приютило у себя в помещении, на Троицкой ул., Общество заводчиков и фабрикантов) не могла пользоваться никаким авторитетом у рабочих. В то время, вообще, быстро таяла почва для возможности соглашения между предпринимателями и рабочими. И Центр. примирительная камера не в состоянии оказалась выполнить ни одного из трех главных заданий, которые возложены были на нее

при ее учреждении. Это очень скоро обнаружилось, между прочим, и для текстильной промышленности. Когда Центр. примир. камера попыталась выработать общее соглашение между рабочими и предпринимателями текстильных фабрик относительно минимума заработной платы, то этот минимум (в 5 р. для мужчин и в 4 р. для женщин) оказался для наших текстилей неприемлемым и они сейчас же выдвинули новые требования (при чем для женщин требовали минимум 6 руб.), отвергнутые текстильным отделом общества фабрикантов и заводчиков в заседании 19 мая).

Не удалось ей у нас разрешить и вторую свою задачу, именно, внести единство в работу местных примирительных камер, потому-что рабочие выдвигали тысячи разнообразнейших требований и здесь невозможно было провести одинаковых решений даже для однородных работ, так как последние производились на разных фабриках в различных условиях. Потому, что для одной и той же операции на наших фабриках сплошь и рядом употреблялись (да и теперь еще это так) рядом с совсем устарелыми машины самого последнего образца.

Наконец, несостоятельной она оказалась в большинстве случаев и в разрешении тех споров между рабочими и предпринимателями, которых не могли разрешить местные примирительные камеры. С приходом революции рабочие искали и ждали торжества справедливости, которая должна была вознаградить их и за старые обиды, а справедливости, по самому существу дела, не могло быть в капиталистическом предприятии, и требования рабочих казались нашим фабрикантам дикими и несоразмерными. Чрезмерными казались они и

соглашателям в Центральной примирительной камере. Приведем на основании сообщения т. А. Г. Ланга, лишь один пример. Рабочие Екатерингофской бумагопрядильной мануфактуры (ныне «Равенство») пред'явили требования оплаты как за сверхурочные за 34 минуты ежедневно в течение последних 10 лет, так как все это время машины пускались за 34 минуты до назначенного в правилах внутреннего распорядка начала работ. Администрация возражала, указывая, что в особом пункте условия найма было оговорено: «Приход в мастерские фабрики ... раньше положенного в § 4 внутреннего распорядка времени ни для кого из рабочих не обязателен, но желающим рабочим и мастеровым разрешается, при чем платы за это время никому и никакой не полагается». На это представители рабочих в фабричной примирительной камере (т.т. А. Язбов и Н. Александров) возражали, что рабочие вынуждались начинать работу до срока и указали на случаи увольнения шести рабочих за то, что те не начали работу в то время, когда была пущена в ход паровая машина. Представители администрации отрицали эти факты, ссылаясь на то, что рабочие эти были уволены за подстрекательство к забастовке, а не за опоздание в начале работы. Но рабочие знали, что это не так, и соглашение, разумеется, не состоялось.

Так было и во множестве других случаев. И в таких случаях бывало, что наши рабочие не считались с решениями центральной примирительной камеры, несмотря на то, что решения эти полагалось признавать окончательными.

В конце-концов, убедившись в непригодности посреднического аппарата примирительных камер, на который они вначале возлагали некоторые надежды, предприниматели решили отказаться от

практиковавшегося до этого порядка передачи требований, рабочих на рассмотрение примирительных камер и предпочли иметь дело с профессиональным союзом, где все равно в это время уже разрешались почти все возникавшие на фабриках конфликты. В этом смысле Общество заводчиков и фабрикантов и разослало 16-го июня 1917 г. «к обязательному руководству» циркулярное письмо, в котором было сказано, что «в случае пред'явления рабочими данного предприятия каких-либо требований, необходимо, отклонив удовлетворение требований, предложить им обратиться с таковыми в соответствующий профессиональный союз рабочих; предпринимателям надлежит одновременно обращаться в Общество зав. и фабр. для направления дела в соответствующий отдел».

Наш союз к этому времени об'единил уже большую половину рабочих на предприятиях, из которых, правда, далеко не все являлись плательщиками членских взносов, которые, однако считали себя членами союза и в общем подчинялись его решениям. В это время председателем союза стал Н. И. Лебедев, в лице которого Союз приобрел сильного работника, прошедшего школу революционного и профессионального движения с 1903 г., было руководство тарифною борьбою Союза. При нем начал тогда свою работу в нашем союзе и М. О. Брагинский, незадолго до этого вернувшийся из Швейцарии. Благодаря его трудам у нас тогда впервые было упорядочено делопроизводство Союза.

Историю тарифной работы союза в 1917 г. рассказал в номере первом журнала «Ткач» (Ноябрь 1917 г.) Н. И. Лебедев в статье «История нашего тарифа» и мы могли бы ограничиться здесь лишь

ссылкою на эту статью. К сожалению, журнал этот стал в настоящее время библиографической редкостью, и приходится поэтому с некоторыми сокращениями, а местами и дополнениями, пересказать статью Лебедева.

Начало осуществлению выработки общего для всех фабрик тарифа с целью пред'явления его текстильному отделу Общества заводчиков и фабрикантов было положено 11-го июня, когда была избрана тарифная, или как ее назвали, расценочная комиссия, в составе представителей от различных отделений текстильных фабрик. Работа комиссии продолжалась две недели; за это время в помещении союза собиралась комиссия не меньше 10 раз, на заседаниях присутствовало обыкновенно около 20 человек.

Все рабочие ею были разбиты на 7 категорий и был установлен размер заработка в пределах от 6 р. 80 к. для самой низшей и 14 р. для высшей в день для всех фабрик, кроме ситценабивных и красильных, для которых были установлены нормы от 6 р. 80 к. для низшей и 16 р. для высшей. Нормы для механического цеха, учеников и подростков определялись по тарифу металлистов.

«Все это вместе с 32 пунктами требований общего характера, по утверждении делегатским советом, и было 27-го июня пред'явлено текстильному отделу О-ва фабрикантов и заводчиков. 28-го июня было первое совместное с фабрикантами заседание, на котором последние признали деление рабочих по категориям приемлемым и требования, признанные подлежащими удовлетворению должны войти в силу со дня их пред'явления, т.-е. с 27-го июня».

Спор начался насчет ставок. Фабриканты предложили как крайнюю ставку для низших

групп чернорабочих женщинам 5 р., мужчинам 6 р. в день, с соответственным понижением и всех остальных норм. Соглашаясь, что этот минимум неудовлетворителен, они, как выход для увеличения заработка предложили вместо 8-часового рабочего дня 10½ часов работы, считая время сверх 8 ч. сверхурочным. Представители Союза решительно отвергли это предложение. В виду создавшегося конфликта дело было, по предложению присутствовавшего на заседании по приглашению промышленников представителя министерства труда (Гвоздева), передано на разбор в согласительную комиссию названного министерства с оговоркою о необязательности для Союза подчинения ее постановлениям. Здесь фабриканты сделали маленькую уступку: предлагавшуюся свою прибавку (по 1 р. чернорабочим и 25% к нормам, установленным текстильным отделом 29 апреля), они постановили ввести в расценки и выдать с 27 июня. Наши на это не возражали. В ответ на дальнейшие требования, фабриканты указывали, что всякое дальнейшее повышение заработка рабочих сразу повысит стоимость продуктов первой необходимости и рабочим никакой пользы не принесет. При этом заявляли, что, если само правительство определит какие угодно ставки, они их признают и подчинятся.

Так как дальше этого дело в согласительной комиссии не двигалось, то работа ее 15-го июля была прекращена и дело по предложению комиссара и по соглашению сторон было передано в междуведомственное совещание, составленное из представителей министерств: военного, труда, торговли и промышленности и продовольствия, с тою же оговоркою о необязательности решения этого совещания.

После этого возобновились переговоры между текстильным отделом Об-ва фабр. и заводч. и нашим Союзом. Обе стороны занялись пересмотром, вызвавшей очень много возражений на местах, разбивки рабочих по категориям. Для каждой отрасли текстильного производства были образованы для этого особые комиссии. Весьма легко и скоро были распределены по категориям рабочие в предприятиях по обработке шерсти, льна и джута. Для остальных работа комиссий тормозилась крайним разнообразием условий труда для одних и тех же категорий рабочих в различных предприятиях. Работа комиссий затруднялась и неподготовленностью рабочих к столь сложным обследованиям. Выяснились ошибки Союза и при разбивке рабочих на категории. Ряд специальностей оказался неправильно внесенным в те или иные группы. Иные специальности оказались и совсем пропущенными в разбивках. Поэтому мало-по-малу вместо первоначальных 7 были введены 10 категорий.

В междуведомственное совещание материалы работ стали передаваться частями, отдельно по каждой отрасли производства. Поэтому решение конфликта затянулось, тем более, что здесь комиссии на каждом шагу натыкались на отчаянное упорство фабрикантов. Решены были лишь вопросы о ставках подростков, учеников и ремонтного цеха, для которых были приняты ставки тарифа металлистов.

Постановление Междуведомственного совещания было сообщено сторонам 27 августа. Установленные им ставки касались только рабочих по обработке хлопка, льна и джута и носили компромиссный характер. На экстренном собрании представителей от фабрик ставки эти были при-

знаны неудовлетворительными. Однако, считаясь с общим положением дел в стране, собрание решило принять их при условии: 1) чтобы все прибавки были введены в действие не позднее чем с 27 июня и 2) чтобы не было никаких сбавок до размера установленных норм всем, кто получал выше.

Но когда выяснилось, что фабриканты отказываются признать ставки Междуведомственного совещания прежде, чем правительство не утвердит новых цен на их продукты, то делегатский совет, созванный 3 сентября постановил потребовать от фабрикантов в 4-х дневный срок определенного ответа и, в случае неполучения его или отклонения ставок, прервать всякие переговоры с текстильным отделом, известив об этом Всероссийский и Петроградский Исполкомы С. Р. и С. Д., Всероссийский и Петроградский Советы Проф. Союзов и Министерство Труда.

Ультиматум был послан, однако, до забастовки дело не дошло. 6-го сентября Правление Союза получило от Текстильного отдела сообщение о том, что новые ставки им принимаются и 7 сентября были подписаны нормы зараб. платы для рабочих в предприятиях, обрабатывающих хлопок, лен и джут. Ставки для рабочих по выделке тюля и обработке шерсти были приняты фабрикантами без обращения в Междуведомственное совещание. Ставки рабочих ситценабивных и красильных фабрик и отделений были установлены по извещению из Междуведомственного Совещания 10-го октября. После этого еще до конца года затянулась борьба за общие требования. Здесь Союз натолкнулся на упорнейшее сопротивление при обсуждении правовых требований, как напр., вопроса о праве приема и увольнения при участии

Союза, об ежегодных отпусках и т. п., которые были перенесены в согласительную комиссию при Министерстве Труда. Фабриканты не только отказывались признать участие представителей организованных рабочих в определении расценок на сдельные работы и т. п., но даже такие невинные вещи, как требование кипятку в рабочее время они признали только после двух дней споров подлежащим удовлетворению, да и то с оговоркой: «в силу исключительных обстоятельств». Громадное сопротивление было оказано, разумеется также требованиям охраны труда, несмотря на то, что малейшее обследование, как напр., производственными комиссиями по разбивке рабочих на категории, посетившими ряд красильных предприятий, уже констатировало множество случаев вопиющего несоблюдения самых элементарных санитарно-гигиенических условий труда. Оказалось, напр., что окраска ниток в некоторых предприятиях производилась просто руками, без каких бы то ни было приспособлений. На других фабриках комиссии нашли допотопную конструкцию машин, тесноту, сырость, полное отсутствие вентиляции и даже сточных труб, так что рабочим приходилось прямо бродить по воде.

Приняв условие об отводе отдельных помещений для кормления работницами-матерями грудных детей с освобождением этих работниц через каждые 3 часа не менее, чем на полчаса, фабриканты отказались признать обязательным устройство яслей, детских площадок и т. п. Не хотели они также признать пункт о недопущении к работе подростков моложе 15 лет с ограничением рабочего дня для подростков 6 часами и т. д., и т. п.

Глава VII.

Обострение экономической борьбы и рабочий контроль.

Тарифная борьба в жизни нашего Союза сыграла громадную роль не только по тем непосредственным результатам, которые она принесла рабочим текстильщикам в смысле улучшения оплаты и других условий труда, но и потому, что создав и закрепив живую связь правления Союза с фабричными комитетами и их комиссиями на фабриках, она подготовила переход союза к новому типу строения его организации. Нужно сказать, однако, что правлению союза не удалось в своей тарифной работе охватить своим руководством всей экономической борьбы наших текстилей. Здесь руководство его еще шло по старым рельсам, намеченным еще в подпольные времена по западно-европейским образцам, путем сговора, соглашений, путем заключения коллективных тарифных договоров, подкрепляемого в случае нужды стачками или даже только угрозою стачки, во всяком случае без нарушения основного права предпринимателя распоряжаться вложенным в производство капиталом, как ему заблагорассудится.

Между тем, классовая борьба, обостряясь, уже выходила из этих берегов. В атмосфере революционного возбуждения даже старый спор рабочих с капиталистами, — обыкновенная борьба за повышение заработной платы — вдруг приняла совершенно неожиданные для наших фабрикантов формы. Они по-своему тоже приготовились к схватке. Общество заводчиков и фабрикантов

ввело у себя военную дисциплину, связав своих членов обязательством не предпринимать никаких самостоятельных решений, а безусловно подчиняться и принимать к немедленному исполнению все постановления общего собрания и совета общества. Как и подобало капиталистам, в обеспечение выполнения этого обязательства, члены общества внесли в совет его векселя по расчету 25 р. с каждого занятого в предприятии рабочего, с тем, чтобы векселя эти были пред'явлены к платежу только в виде штрафа в случае нарушения обязательства.

Увы! Некоторым из наших фабрикантов очень скоро пришлось, все-таки нарушить это обязательство. Так было в начале июля, напр., на Выборгской прядильной (ныне входящей в состав «Красного Маяка»). Дело произошло, по свидетельству Сем. Мих. Суймина, таким образом: Незадолго до того, как общество заводчиков и фабрикантов догадалось ввести у себя систему гарантирующих военную дисциплину векселей, на Б. Охтенской мануфактуре (ныне «Возрождение») фабричная администрация принуждена была под напором рабочих согласиться на прибавку к заработной плате при том и за несколько старых месяцев (с 9-го марта). Об этом узнали рабочие на Выборгской прядильной и начали требовать такой же прибавки и с того же времени и себе. Вызвали на общее собрание из правления фабрики (с Мариинского рынка) хозяина, Влад. Ив. Воронина. Тот стал было об'яснять, что он мол и согласен был бы, да без разрешения Общества заводчиков и фабрикантов не имеет права. Однако, настроение собрания было такое, что этих его об'яснений не хотели и слушать. Раздались крики: «тачку давай». Несколько работниц во главе с т. Бобориной прита-

щили тачку, посадили в нее своего хозяина и уже двинулись к берегу, чтобы там вытряхнуть его в реку. Тогда Воронин крикнул, что согласен и что дает слово, что прибавку выплатит. Председатель Общества заводчиков и фабрикантов Л. Г. Миллер жаловался тогда в Союз, и Савельев приезжал тогда на фабрику уговаривать, что не годится мол такими способами вести борьбу. Однако, взволнованное собрание плохо его слушало и даже раздавались угрозы и ему мешком и тачкой. В Совете Общества заводчиков и фабрикантов настаивали, чтобы обещание Воронина было об'явлено вынужденным под угрозою смерти и потому не подлежащим выполнению. Но Воронин, расчитывавший в то время, что ему еще придется вести дела со своими рабочими, слово свое сдержал, за что и был оштрафован на очень крупную сумму, по словам Суймина, на 30 тысяч.

Подобную же историю и тоже в начале июля пришлось пережить и Чешеру на Никольской ткацкой (ныне также входящей в комбинат «Красный Маяк»). Здесь председателем фабричного комитета был Кулаков, беспартийный, но очень энергичный товарищ; анархист по темпераменту и по всему строю бродивших в то время в его голове идей. После бурного собрания, постановившего требовать уплаты прибавки и за несколько старых месяцев, Кулаков и еще двое-трое таких же «теплых ребят», вошли в кабинет к Чешеру и, после долгого и горячего перед тем спора, заставили его под дулом нагана подписать обещание о том, что он выдаст своим рабочим прибавку с требуемого срока. После этого Чешера вызвали на собрание и в его присутствии было об'явлено, что он обещал прибавку с такого срока и он подтвердил это

кучке стоявших по близости рабочих. Однако, потому ли, что он был слишком взволнован предыдущею сценой и не помнил своих слов, или почему-либо другому, только впоследствии он отрицал факт этого словесного своего обещания, факт которого готовы были подтвердить множество свидетелей. А так как Чешер это словесное обещание отрицал, то решили обратиться в суд. Дело затянулось и в виду неясности его, народный суд решил его, наконец, передать на рассмотрение и разрешение нашего Союза и текстильного отдела Общества фабрикантов и заводчиков. Окончательный разбор этого дела происходил на совместном заседании представителей обеих организаций, если память не изменяет мне, уже в ноябре. Представители фабрикантов ни за что не хотели согласиться признать справедливость свидетельских показаний, ссылаясь на то, что рабочие не поняли заявления Чешера и указывая, что последний не мог дать такого обещания, хотя бы уже потому, что был связан обязательством по отношению к обществу фабрикантов и заводчиков. Тогда Кулаков или кто-то другой из фабричного комитета с Никольской фабрики передал т. Савельеву записку Чешера. «А что вы скажете»,—обратился тот к Миллеру, если мы вам пред'явим документальное доказательство» — и подал ему эту бумажку. Это был драматический момент. Перекинувшись несколькими словами по-английски, представители текстильного отдела Общества попросили разрешения удалиться в соседнюю комнату для совещания. Пробыли они там очень недолго. Очевидно, они предвидели возможность и такого оборота дела, так как Чешер, вероятно, посвятил их во все подробности инцидента. Как бы там ни было, когда они вернулись, Миллер без лишних слов сухо

заявил, что отдел не возражает против того, чтобы рабочие Никольской фабрики получили прибавку с указанного в записке Чешера срока, и сейчас же перешел к следующему пункту порядка дня.

В эти же горячие июльские дни «Дело Народа» упоминает об этом в номере от 7-го июля ст. ст.) чуть было не утопили своего хозяина и начавшие несколько месяцев назад февральскую революцию работницы Б. Сампсониевской мануфактуры. Хозяином здесь был Логин Григорьевич Миллер, председатель текстильного отдела Общества фабрикантов и заводчиков, маленький, властный старичок с румяными щечками, привыкший ко всеобщему уважению в своей среде за свое умение быстро формулировать решения, отвечающие общей линии интересов большинства наших текстильных фабрикантов. Раза два приступали к нему работницы, требуя, чтобы он выплатил прибавку за старые месяцы, но он упорно отказывался, ссылаясь на то, что, как председатель текстильного отдела своего общества, он не может не выполнить постановления, которое он сам только-что проводил и принимал на собрании своего отдела. Тогда работницы вызвали его на двор, где происходило собрание. Здесь, на импровизированной из бочек и досок трибуне уже была приготовлена и бумага, которую предложили Миллеру подписать. Однако, и здесь повторив свои доводы, он отказался, несмотря на то, что со всех сторон раздавались крики: «Да что с ним разговаривать... В мешок и на тачку».

По свидетельству ткача Тимофея Алексеевича Попова, подмастерья пробовали уговорить работниц, чтобы они не приступали к таким решительным действиям, но безуспешно. Те хотели уже

набросить хозяину мешок на голову, но он сам покорно сел в тачку и просил, чтобы мешка не накидывали. Ограничились тем, что обернули ему ноги мешком. Затем вывезли из ворот и шумною толпою двинулись кругом Выборгской части на набережную Малой Невки. И тут же, рядом с тачкою, несли бумагу, перо и чернила на случай, если бы Миллер одумался. Но Миллер сидел, сжав зубы и не хотел сдаваться. Так уже вступили на Гренадерский мост, откуда собирались сбросить его в реку. Нужно отдать ему справедливость, он проявил большое мужество во всей этой истории, хотя неизвестно, как поступил бы он в последнюю минуту. На счастье Миллера, по мосту шли на встречу трое или четверо мужчин, в солдатских шинелях, но безоружные. Узнав, в чем дело, они выругались и освободили его, что, впрочем было легко сделать, так как многие работницы уже начали жалеть его. Тут он от пережитого волнения ослабел и вернули его уже под руки во двор, где опять состоялось собрание. Народу собралось около четырех тысяч, как раз смена шла в ткацкой. На собрании выступали члены Выборгской управы, которые говорили что неправильно, мол, работницы поступили. А Миллер стоял на трибуне, с испугу вспотевший, когда по требованию собрания, стал во второй раз отвечать «народу». Но говорил то же самое, что, как председатель текстильного отдела, не может он удовлетворить требования рабочих. Так его и отпустили. А он после того, решая все дела в конторе правления, которая помещалась на Невском, уже не показывался на фабрику до 1922 г., когда она стояла уже замороженная. В это время он работал уже в текстильном тресте и был послан оттуда с комиссией обследовать положение на фабрике, когда там про-

валились машины из второго этажа сквозь прогнивший пол (в августе 1922 г.).

Нужно отметить, что Союз самым решительным образом высказался против таких способов борьбы. Когда на совместном заседании правления с представителями фабричных комитетов т. Магидов во внеочередном заявлении рассказал о происшествии с Миллером, собрание постановило издать листовку с указанием на недопустимость частичных выступлений и такого рода насильственных действий. Однако, благодаря тому, что Союз наш с самого начала строился и находился под руководством большевиков, головка правления уже в это время сознавала неотложную необходимость принять решительные меры для того, чтобы организованным путем, если не совсем отменить, то во всяком случае урезать и взять под контроль основное право капиталиста распоряжаться вложенным в производство капиталом.

Потому что еще раньше, чем произошли описанные в этой главе эпизоды, которые только подлили масла в огонь, наши фабриканты, в большинстве англичане, не предвидя для себя ничего доброго от развития революции, пытались спасти что можно из своего капитала, ликвидируя свои текущие счета в банках и спешно вывозя не только готовый товар, и полуфабрикаты, но также и сырье и даже и топливо, а если удавалось, то и машинные части в Финляндию. Фабричными комитетами нескольких фабрик (Лебедевской, Нарвской суконной, Леонтьевской и др.) было заявлено в правление союза, что заготовленное сырье на первых двух, медные валы печатных машин на последней приготовлены к отправке по известным лишь господам предпринимателям адресам. В то же время фабриканты проводили ряд мер, уменьшающих

производительность предприятий. Это был форменный саботаж производства.

Некоторые фабрики уже работали неполную неделю, у Джемс Бека, у Максвеля — четыре, на 1-й ниточной и др. всего три дня в неделю. Когда обострился наметившийся еще в мае 1917 г. топливный и транспортный кризис и сильно поднялось в цене и сырье, пошли разговоры о возможном закрытии фабрик под предлогом невыгодности для хозяев дальнейшего их ведения. В номере 1-м Ткача рассказано, что на одной из фабрик администрация заявила рабочим, что им, вероятно, скоро придется «сократиться», так как хлопка для ведения производства в полном размере не хватит, его де по распоряжению свыше отпущено слишком мало. А в то же время сырье грузилось в баржи для отправки в неведомые края и для неведомых целей. Начали понемногу сбегать с предприятий и сами хозяева, а за ними и высший технический персонал. Еще в мае грозился, что бросит все и уедет в Англию Перси Торнтон. Тогда же будто бы за катушками в Финляндию снарядился директор Невской ниточной фабрики Чарльз Монкер, да так и не вернулся, перебравшись оттуда в Англию. А за ними друг за дружкой потянулись и остальные хозяева и мастера-англичане. Вместе с тем обескровливались фабричные кассы.

На фабриках росло возбуждение. Рабочие насторожились. Они почувствовали опасность для самого существования фабрик. Необходимо было зорко следить за махинациями саботирующих производство хозяев, и наружный контроль самотеком переходил на внутренние распорядки фабрик. В архивах Халтуринской фабрики сохранились заявление фабричного комитета Правлению

фабрики и протокол об'единенного заседания представителей рабочих комитетов четырех фабрик Невского товарищества от 30-го июня. В этих документах рассказано, что узнав о том, что в Архангельск прибыла 1 партия хлопка (2000 кип), фабричный комитет во избежание недоразумений, чтобы хлопок не исчез куда-нибудь и для предупреждения могущего возникнуть из-за этого конфликта между рабочими и правлением фабрики, решил послать представителя «следственной» (т.-е. контрольной) комиссии в Архангельск.

Повсюду на фабриках стали в это время ставить на охрану фабричного достояния против покушений со стороны самого хозяина вооруженную стражу, местами из артели инвалидов, а то из своих рабочих, если оказывалось на фабрике оружие. На большинстве фабрик оно имелось. Попало оно к рабочим еще в первые дни революции, когда т. Гаранин и другие вербовали на фабриках красную милицию, при чем на одной Новой Бумагопрядильне он организовал 15 десятков и каждый десяток получил по 7 винтовок и по 3 нагана. Из этих 150 человек в милиции осталось не больше 30 человек, остальные, когда фабрика возобновила работу, вернулись к станкам, не сдав, однако оружия, благо учета не было. Из них составилось ядро красногвардейцев на фабрике, обучавшихся военному делу под командою т. Рождественского. Меньше оружия попало на другие фабрики. Так на Кожевниковской вооруженных было человек 20—30; столько же у Гука (ныне имени Желябова); на «Невке» (ныне «Красная Нить»), по свидетельству Леонова, было 24 красногвардейцев, под командою Василия Бака; на 1-й Ниточной организатором рабочей милиции был Прошляков, — в его отряде было 15 человек, вооруженных винтовками

немецкого и японского образца; у Паля всего 12 красногвардейцев с 10 винтовками (Евстигнеев, Родионов и др.); на Василеостровской организаторами фабричной милиции были Климентьев и Осип Гурецкий. Им удалось получить из района несколько берданок и т. д.

Когда правительство Керенского пыталось обезоружить рабочих, оружие пряталось по квартирам. Часть его, впрочем, и не скрывалась, так как по фабрикам явочным порядком установилась вооруженная охрана. До революции фабриканты содержали целый штат городовых при фабриках. Теперь, когда эта охрана обернулась против владельцев фабрики, они пытались донять ее рублем. Общество заводчиков и фабрикантов 26-го июня разослало своим членам циркуляр, в котором указывало, что «требования оплаты труда, так называемой фабрично-заводской милиции являются совершенно незаконными и не подлежат удовлетворению». На этой почве тогда возникла масса конфликтов. Отголосок их можно найти, напр., в следующем сообщении газеты «Рабочий Путь» (от 4/18 октября 1917 г.): «Акционерное общество мануфактур Воронин, Лютш и др. Правление мануфактуры решительно отказывается платить жалованье фабричной милиции. Посты милиционеров на фабрике не сняты и на содержание их расходуются средства зав. комитета, которым предприняты шаги, чтобы добиться оплаты содержания фабричной милиции из средств предпринимателя». Споры эти разрешены были Октябрем. Тогда, между прочим, арестовали Леонтьева, зятя хозяев Василеостровской ситценабивной за отказ оплачивать фабричных милиционеров.

Глава VIII.

Июльские дни.

До революции партийная работа на наших фабриках велась больше на теоретической почве и в узком кругу, и лишь очень немногие рабочие умели разобраться в партийных разногласиях. Рабочая масса не придавала никакого значения этим спорам. Так было, напр., на Леонтьевской фабрике, где передовые рабочие собирались на лужайке за фабричною стеной и старались разобраться в партийных спорах большевиков, меньшевиков, эс-эров и анархистов. Рядовые массовики, которым случалось иногда забрести на такую дискуссию, смотря по складу характера, проявляли к этим горячим спорам или только спортивный интерес, как к цирковым борцам («ну-ка, кто кого оделеет . . .»), либо только диву давались и жалели, что вот мол хорошие люди и те, и другие, и третьи, а никак столковаться не могут. Не придавали тогда серьезного значения этим сходкам (правда, так было только на этой фабрике) и либеральные Леонтьевы, которые, случалось даже, получив извещение по телефону, что полиция будет на фабрике, предупреждали об этом собравшихся.

Так было на первых порах и в 1917 г., и руководство своей стихийно прорвавшейся экономической борьбой наши рабочие доверили в начале, не разбираясь в партийной окраске, случайно выдвинувшимся краснобаям. Политически большинство в фабричных комитетах на первых порах состояло из беспартийных, которыми руководили меньшевики и эс-эры, те и другие бывшие оборонцами во время войны и теперь стоявшие за согла-

шение с буржуазией. Эти две общественные группы вошли в революцию да так и остались с неподвижною мыслью, с представлением, что в отсталой России мыслима только буржуазная революция и что поэтому недопустимы никакие посягательства на право собственности капиталистов, так как без них нам не справиться с производством.

Между тем, положение на фабриках, как мы видели, создалось такое которое диктовало крайние большевистские лозунги. И тут соглашателям пришлось вступить в политическую борьбу с большевиками. В это время теоретические разногласия между партиями приобрели самое жизненное значение для всей массы рабочих, так как перед ними со всею остротою встал вопрос об организации рабочего контроля по фабрикам, а может-быть и захвата фабрик. С проповедью захвата особенно горячо выступали Тюшин, Котов, Колович. Тюшин выступал с этою проповедью не только в Центральном Совете фабр.-зав. комитетов, но и по фабрикам, у себя на Кожевниковской, где в это время обсуждался вопрос об ее национализации, на Новой Бумагопрядильне и др. Пробовал отстаивать эту позицию и в Мраморном Дворце перед Скобелевым и другими меньшевиками, но, разумеется, не сумел с ними сговориться.

Сговориться, действительно, было невозможно с соглашателями ни во дворцах, ни на фабриках. Единственное, что было возможно это — отнять у них власть и тут и там. На разных фабриках наших это происходило в различное время, после более или менее упорной борьбы. Особенно ожесточенный характер эта борьба за власть между соглашателями и большевиками, естественно, приняла на вопросе о рабочем контроле, на вопросе

о том, можно ли оставить у власти в фабричном комитете испугавшихся нарушения священных хозяйских прав «соглашателей», «хозяйских приспешников», меньшевиков и эс-эров, когда необходимо было нарушить эти права, так как иначе стояло под угрозою самое существование фабрик.

Нужно оговориться: в большинстве случаев тут действовало еще только классовое чутье, а не сознательное подчинение указаниям большевистских организаций. Потому что слишком плохо еще разбирались в партийных разногласиях даже члены фабричных комитетов наших.

Правда, на некоторых фабриках местные меньшевики и эс-эры успели уже к этому времени достаточно скомпрометировать себя в глазах рабочей массы своими выступлениями в защиту хозяйских прав. Так было, напр., у Джемса Бека (ныне им. Свердлова), где группа меньшевиков и эс-эров из старых гапоновцев потеряла всякий кредит у работниц, которые подымали на собрании шум и крик, чуть попробуют, бывало, взойти на трибуну Манулин или Галыбин или Егор Тихонов (Плашкет). Но те же самые работницы могли в то же время с одобрением внимать демагогическим речам иных меньшевиков, не своих, а пришлых, с соседнего завода или фабрики. Вообще наша масса была в то время политически почти совсем еще темная и шла на поводу у меньшевиков и эс-эров. У Торнтона (на «Красном Ткаче»), напр., когда выступила в эти дни левая эс-эрка (а левые эс-эры в то время шли с большевиками) Маруся Спиридонова с лозунгом: «Вся власть Советам», ей не дали говорить, кричали: «убирайся... каторжница!.. убийца!..». Не нужно забывать, что большая часть нашего фабричного актива в это

время была еще на фронте, что из мужчин на фабриках оставались почти лишь одни подмастерья, в большинстве бывшие черносотенцы, теперь именовавшие себя кадетами, а из женщин лишь очень еще немногие успели стать сознательными пролетарками.

Однако, эта политически бесформенная масса была неспокойна и возбуждение в ее среде нарастало. И были в ней совсем небольшие правда, ячейки, готовые перебросить в нее партийные призывы к активным выступлениям. Сильным толчком для прояснения политического сознания нашей массы явилась попытка временного правительства обезоружить революцию путем отправки на фронт наиболее революционно-настроенных частей Петроградского гарнизона. Начать правительство решило с 1-го пулеметного полка, где особенно сильно было влияние большевиков: ему было предписано под угрозой вооруженного усмирения в недельный срок выдать пулеметы и отправить $^2/_3$ состава полка на фронт. Такие же меры были предприняты и по отношению к Московскому и Павловскому полкам.

Пулеметчики решили не подчиниться и выступить «за власть Советов» с оружием в руках на улицу.

Собравшаяся в этот день (3-го июля ст. ст.), впервые с большевистским большинством, под председательством т. Троцкого рабочая секция Петроградского Совета решила отговорить пулеметчиков от этого выступления. В числе взявшихся за это дело товарищей была и только-что вернувшаяся с поездки на западный фронт (куда она ездила с подарками от Новой Бумагопрядильни и где была на пару дней арестована за большевистскую пропаганду) О. Ф. Чернышева,

нынешний председатель нашего Губотдела. Ей удалось уговорить пулеметчиков воздержаться от стрельбы.

На другой день, по призыву партии большевиков, было организовано выступление на поддержку мирной, хотя и вооруженной демонстрации революционных солдат. Различные фабрики в разной степени откликнулись на этот призыв, — в меру влияния имевшихся на них большевистских ячеек. У Торнтона, напр., в «отметку», где шло собрание, обсуждавшее вопрос об участии в демонстрации, пришел конторщик Бульмер с воззванием Плеханова и сказал: «вождь предлагает не бастовать». И фабрика не приняла участия в этих выступлениях и только отдельные лица с нее пошли на демонстрацию. — Точно также только отдельные рабочие ходили с Василеостровской ситценабивной (ныне ф. им. Веры Слуцкой), которая, несмотря на полученный призыв, продолжала работать в этот день. Также было и на Палевской (ныне им. Ногина), и на Максвелевских («Рабочий») и на Российской («Веретено») и еще на нескольких фабриках, где еще крепко было в эти дне влияние меньшевиков и эс-эров.

На 1-й Ниточной, хотя в фабричном комитете были уже и большевики (т.т. Абузин и Иванов) и в числе двух членов Совета одна была большевичка (т. Екат. Егорова), но руководили фабкомом эс-эры (Прошляков и др.) и меньшевики (Матрена Иванова и др.), которые, когда на фабрике появился призыв к участию в демонстрации, стали уговаривать, чтоб не ходили и большинство согласилось с ними. Однако, человек сто, почти все работницы, с флагами и плакатами: «Долой войну!», «Долой министров-капиталистов!», «Вся власть советам!», двинулись на Невский. К ним

присоединился также небольшой отряд работниц с Невской Бумагопрядильни. На Суворовском проспекте их встретил часто заглядывавший на эти две фабрики меньшевик Шнеерсон и уговаривал вернуться, но безуспешно. У Знаменья демонстранток встретила толпа контр-революционеров, которая стала ругать их судомойками и провожала улюлюканьем и свистом, у Надеждинской у них стали вырывать знамена, потом началась стрельба и работницы разбежались.

Дружнее всех вышли на демонстрацию Кожевниковская (ныне им. Тюшина) где в фабричном комитете была уже целая группа большевиков (Котов, М. Никифорова, Юхмарова и др.) и Новая Бумагопрядильня. Здесь председателем фабр. комитета был покойный Воробьев-Игнатьев; кроме него из большевиков была только Чернышева, да сочувствующие Панькина и Щеглова. Были в фабричном комитете еще один меньшевик Мямлев, роли никакой не игравший, и две беспартийных (Ковалева и Гарезина). Фабрика эта была почти сплошь женская, мужчины были только подмастерья — кадеты из бывших черносотенцев. На собрании они выступали против демонстрации, пугая, что стрельба будет. Несмотря на это, кучке большевиков удалось сорганизовать выступление и тронулась почти вся фабрика. Лозунги были те же, только еще прибавили плакат «Контроль над производством!». Шли по Лиговке; когда стали стрелять, ряды дрогнули, но дошли до Таврического. Тут пришлось долго ждать, пока продвигалась очередь демонстрантов. Тогда Чернышева с Воробьевым решили знамя свернуть и предложили рабочим в одиночку вернуться по домам. А Чернышева осталась, надеясь протолкаться в Таврический дворец. Когда раздались 3 залпа по

Шпалерной, Чернышеву смяли и потоптали. Она очнулась только, когда т. Лобов (нынешний председатель ВСНХ) поднял ее. Она осталась несколько часов в Таврическом и вернулась на фабрику уже под утро — в истерзанном виде, вся в синяках и с разорванной юбкой.

Глава IX.

От поражения к Октябрьской победе.

5-го июля по призыву большевистской партии были закончены выступления пулеметчиков. В этот же и последующие дни подошли вызванные Временным правительством, еще верные ему, войска, из провинции. Черносотенными газетами была напечатана клевета на Ленина и других большевистских вождей, будто бы они подкуплены германским генеральным штабом. Это смутило многих солдат и разнуздало контр-революцию. Разгромлены были редакции большевистских газет и арестованы многие видные большевики. Толпы контр-революционеров набрасывались на «германских шпионов», как они называли большевиков, арестовывали и избивали их. Пришлось при этом пострадать и многим текстильщикам.

В числе прочих в эти дни, за сказанные в вагоне трамвая несколько слов в защиту большевистской партии, был арестован ехавшим с ним рядом уланским офицером казначей Союза Вас. Ник. Вихорев. Его отвели в Смольный, где стоял тогда 14-й Уланский полк, там избили и выпустили на утро, благодаря только вмешательству Чхеидзе, который знал Вихорева, как члена Совета.

Был на короткое время тогда арестован и секретарь Союза Ф. Савельев, захваченный во время

разгрома юнкерами какого-то из комитетов междурайонной организации на заседании с т.т. Караханом, Д. Мануильским и др.

К этому же времени относится еще один заслуживающий быть отмеченным факт из жизни Союза — его отклик на организованный Ц. Б. союзов, по инициативе т. Д. Б. Рязанова, сбор денег на освобождение под залог подвергшегося в эти дни аресту т. Л. Д. Троцкого. Наш союз внес тогда чуть ли не половину всей требовавшейся для этого суммы.

Разгром большевистских организаций и кампания клеветы, развернутая в буржуазной печати и поддержанная на митингах оборонцами, местами смутили на время наших рабочих. Так, напр., на «Красном Ткаче» меньшевикам и эс-эрам удалось провести в это время перевыборы, при чем они предложили Субочу отречься от большевизма, обещая в таком случае оставить его депутатом Совета, и когда он отказался это сделать, то на место его и других коммунистов, выбрали эс-эров.

Однако, эти настроения не долго держались в рабочей массе. Очень скоро их развеяла наступательная политика буржуазии.

Июльские победители торопились учесть плоды своей победы. Надежда на полное отсутствие контроля и безнаказанность развязала их аппетиты и они спешили наверстать потерянное в уступках, вырванных предыдущею борьбою рабочими. Корреспондент меньшевистской «Рабочей Газеты» от 6-го августа отмечает, что «за последнее время профсоюз текстильных рабочих завален массою жалоб с фабрик о неправильных подсчетах заработка рабочих. В союзе имеются оригинальные образцы этого. Так, напр., на целом ряде фабрик совсем не выдали 25% прибавки, сделан-

ной обществом заводчиков, о чем уже сообщалось в печати. Некоторые из господ фабрикантов отсутствие этой прибавки об'ясняют неосведомленностью, другие же об'ясняют это тем, что заработок на их фабриках был значительно выше, чем на других и поэтому настоящая прибавка на них не распространяется. На некоторых фабриках эту прибавку выдали не в полном размере, не досчитав где 3, где 6 копеек. Есть и такие фабрики, где прибавка не выдана отдельным группам рабочих, напр., ткачам, сторожам и др.».

На почве подобных настроений буржуазии окрепло сопротивление наших фабрикантов и в тарифной борьбе.

Немудрено, что в массах быстро теряли в это время всякий кредит «соглашатели». Если до этого только отдельные, более или менее многочисленные группы на фабриках выступали с лозунгом «вся власть советам!», то теперь этот лозунг готово защищать уже несомненное большинство. Показательна в это смысле, напр. принятая по докладу о текущем моменте, 13-го августа делегатским собранием Союза при участии 80 делегатов от 24 фабрик, резолюция о переходе всей власти в руки советов.

В это время буржуазные газеты усиленно били тревогу по поводу плохого состояния обороны подступов к Петрограду против немецкого наступления. В действительности эта тревога теперь служила отличным прикрытием для подготовки корниловского мятежа, которая велась под видом усиления боевой способности войск Петроградского военного округа.

Корниловская авантюра встретила достойный отпор в единодушном выступлении Ленинградского пролетариата. Союз текстильщиков принял по-

сильное участие в организации этого отпора. Небольшие, правда, отряды красногвардейцев с наших фабрик примкнули к рядам борцов, вставших на защиту революционного Ленинграда. На фабриках были дежурства и держали связь с районом. Многие приняли участие в рытье окопов, носили (как на Василеостровской) в мешках песок на баррикады. Некоторые работницы вступили в отряды санитаров.

От этого времени у нас сохранилось две резолюции текстилей по текущему моменту, характерные как показатель быстроты, с какою укреплялись большевистские лозунги в рабочей среде. Одна — принятая 29-го августа ст. ст. собранием фабрично-заводских комитетов 31 фабрики, — была напечатана в № 9-м «Рабочего» (газеты, выходившей в это время вместо «Правды» (от 13-го сентября (31 августа ст. ст.). Указав, что все завоевания революции будут стерты с лица земли в случае победы контр-революционного мятежа генерала Корнилова, и призывая рабочих стать сплоченной стеной на защиту революции, она еще обращается к временному правительству, повидимому, ожидая, что оно может и захочет выполнить этот призыв) «немедленно освободить всех арестованных и тем показать желание революционной власти опереться в борьбе с контр-революцией на революционный пролетариат. Одновременно с этою мерой собрание считает также необходимым немедленного ареста всех явных и тайных контр-революционеров».

Вторая резолюция принята была делегатским собранием в присутствии 141 делегата с 34 фабрик в знаменательный день 3/16 сентября, когда это же делегатское собрание постановило послать фабрикантам ультимативное требование ответа к двум

часам дня 7-го сентября на вопрос о тарифных ставках, тут же постановив об'явить всеобщую забастовку в случае их отказа принять ставки, утвержденные междуведомственным совещанием. Боевое воодушевление, которым были охвачены участники собрания, слышится в тоне этой резолюции по текущему моменту представляющей решение принять бой не только с фабрикантами текстильного отдела общества заводчиков и фабрикантов, но и на более широкой арене, со всею сорганизовавшейся контр-революционной буржуазией. Резолюция эта тогда не была напечатана в газетах, поэтому мы приводим здесь ее целиком:

«Собрание Центрального Делегатского Совета, обсудив вопрос о текущем моменте, пришло к следующему заключению: свобода в опасности, военная клика поддерживаемая контр-революционной буржуазией, решила в народной крови затопить революцию. Шатание власти и соглашательская политика органов революционной демократии является лучшим помощником их преступному заговору. Дорожа делом революции и завоеванной свободой, мы заявляем и требуем: всякие контр-революционные попытки, от кого бы они ни исходили, с нашей стороны встретят самый решительный отпор. Вместе с тем мы требуем намедленного перехода всей власти в руки советов Р. С. и Кр. Депутатов. Немедленного освобождения всех арестованных революционеров и вооружения рабочих. Немедленного ареста всех явных и тайных контр-революционеров и предания их революционному суду, закрытия органов их печати («Речь», «Русское слово», «Русская воля» и т. п.) и конфискации их типографий».

На этом же собрании, принявшем эту замечательную резолюцию, было постановлено делегиро-

вать в Москву на Первое Всероссийское совещание текстильщиков т.т. Магидова, Лебедева и Болдыреву, где было положено начало Всероссийскому Союзу Текстильщиков и уже от лица текстилей всей России была также принята резолюция о всемерной поддержке Советов в их борьбе за власть, «ибо только такая власть может спасти страну от экономического и политического развала и улучшить положение рабочего класса».

Эти решения руководящих организаций текстильщиков встретили тем более сочувственный отклик в массах, что на фабриках в это время происходило обострение борьбы за рабочий контроль. Та же тревога за оборону Петрограда от немцев, которою якобы болело патриотическое сердце хозяев, послужила ширмою и для другой боевой операции нашей контр-революции, именно для саботажа производства под предлогом необходимости подготовки к эвакуации предприятий.

Вообще, это было время бегства капитала, поспешных сделок и усиленного жульничества. С крушением корниловской авантюры еще более усилилось бегство денежных капиталов за границу, передача закладных иностранному капиталу с тем, чтобы впоследствии призвать последний на борьбу с экспроприирующей капиталистическую собственность революцией, создать нравственное оправдание насильственному вмешательству, интервенции для подавления революции.

Возобновившийся повсюду особенно со времени Корниловщины быстрый рост влияния большевиков скоро нашел в себе и организационное оформление. Повсюду был поставлен вопрос о перевыборах в Совет и в фабричные комитеты. Однако, процесс смены рабочего представительства растянулся на несколько м-цев. У Торнтона,

где после июльских дней были сняты с постов коммунисты, не прошло и месяца, как настроение массы уже изменилось и снова произошли перевыборы, эс-эры были согнаны и снова избраны были в совет коммунисты (Субоч, Кудрявцев, Валерьянов). В фабричный комитет также попали несколько коммунистов. В Октябре уже вся фабрика была на стороне коммунистов.

На фабриках, где у них не было ячеек, большевики старались поместить своих работников, которые затем начинали там вести агитацию, и распространять большевистскую литературу. Так, напр., райкомом Московско-Нарвского р-на был направлен для партийной работы на фабрику Ауха (ныне Бела-Кун) т. В. Дубов. Верховодившие в фабкомах меньшевики и эс-эры травили и всячески старались выжить таких работников с фабрики или по крайней мере скомпрометировать их перед рабочими на общих собраниях, называя их шпионами, работающими на деньги германского штаба. Они отказывали им в помещении для собрания и большевикам приходилось ютиться где-нибудь на задворках фабрики, в подвале и т. п. Понемногу, однако, на большинстве фабрик возникли небольшие сначала кружки, которым скоро удалось привлечь на свою сторону фабричный молодняк. А затем на иных фабриках еще до Октября, на других после, местами даже до истечения срока старых фабкомов и несмотря на их противодействие, были созваны по инициативе большевистских ячеек общие собрания, на которых были проведены в члены фабкомов кандидаты большевистских списков.

Во всяком случае к Октябрю на большинстве фабрик фабкомы были уже сильно прокраплены большевиками или сочувствующими. На некото-

рых уже и председатели фабкомов были большевики (на Кожевниковской — В. Котов, на Новой Бумагопрядильне — А. Воробьев-Игнатьев, на «Неве» — Петров). У Максвеля в фабкоме из 12 чел. были 3 большевика (Муравьев, Семенов, Крылов), 4 эс-эра, остальные беспартийные. У Паля из 18 человек членов фабкома были 12 беспартийных, и руководство принадлежало эс-эрам, которых было четверо (Огнев, Шугаева, Иванова и Евстигнеев); меньшевик был один (Дунаев) и одна большевичка (Евдокия Баранова).

Смене старых фабкомов предшествовали более или менее бурные собрания. На «Красном Ткаче» у одного поднимавшегося на трибуну эс-эра, Медовникова, вынули бомбу из руки, которую он держал за спиною «и все собрание тогда что пробка вылетело из «отметки»». На Желябовской, где был общий комитет для Старой и Новой фабрик, в который на перевыборах подобрались коммунисты с Новой, на бурном собрании рабочие со Старой (где было «гнездо» эс-эров) грозили расколом и избранием своего комитета. У Максвеля (на «Рабочем»), где часто бывала Маруся Спиридонова (левая эс-эрка с большим ораторским талантом) не хотели вначале слушать Володарского и группа заядлых эс-эрок с Сорокиной во главе пыталась его за штаны стащить с трибуны. И т. д. и т. д.

В других случаях дело обходилось более мирным порядком. Так, напр., на Невской Бумагопрядильной. Здесь председателем фабкома был меньшевик Ипполитов, до этого пользовавшийся большой популярностью среди рабочих. Он же был и членом Совета от фабрики. Вторым был Лобов тоже меньшевик. За несколько дней до 25 Октября (уже с'езжались депутаты на С'езд Советов) — Ипполитов, по словам Ильиной, по-

чувствовав падение своего авторитета среди рабочих, на митинге, на котором присутствовал от организации меньшевиков Шнеерсон, торжественно отказался от членства в Совете и от председательства в фабкоме. Присутствовавшие на митинге большевики радостно закричали: «Давно пора, скатертью дорога!». (Тут на тов. Ильину налетел с кулаками какой-то меньшевик «чего радуешься?». Их розняли). Ипполитов мотивировал свой отход болезнью, а потом сказал: «С'езд начинается, чувствую, что течение наше будет побеждено и нас все равно скоро вышибут». Большинство собрания приветствовало рукоплесканиями этот отказ. Председателем фабкома и членом Совета выбрали большевика тов. Быстрова (ныне красного директора Халтуринской фабрики и председателя Инженерно-технической секции Союза).

На 1-й Ниточной провалили эс-эра Прошлякова и провели тов. Гагарину.

На других фабриках смена фабкомов произошла уже после Октября. Для характеристики того, какие иногда элементы проникали в состав фабкомов можно указать на фабрику Джемс Бека (ныне им. Свердлова). Там перевыборы комитета произошли уже после Октября, как-то невзначай, на общем собрании, на котором обнаружилось, что члены фабкома ездили хлопотать за хозяина фабрики, арестованного за неподчинение декретам Советской власти, за что получили угощение и какую-то сумму денег. Тогда решено было тут же переизбрать комитет. Избрано было несколько работниц, что дало повод одному из старых комитетчиков нагло заявить, что все равно, мол, через неделю-две они вернутся в комитет, так как бабам не справиться с работой.

Так или иначе, эта отчасти проведенная к Октябрю, отчасти лишь намеченная смена состава фабричных комитетов сыграла свою роль в подготовке великой смены центральной власти, так как она дала готовую сеть опорных пунктов для новой Советской власти, благодаря чему только последняя и оказалась в состоянии удержаться и разрешить основные задачи революции.

В подготовке и проведении вооруженного восстания для осуществления этой великой смены текстильные фабрики с их преимущественно женским составом естественно отступили на второй план. Однако, свою долю участия они готовы были принять и в вооруженных выступлениях.

Участие в выступлении против Корнилова несколько пополнило на наших фабриках убыль в вооружении, которая произошла после июльских дней, когда правительство Керенского старалось разоружить рабочих и на фабрики являлись отряды юнкеров, чтобы производить обыски, так что оружие приходилось прятать по квартирам.

Револьверами завладели в большинстве коммунисты, и они сослужили им службу, так иной раз бывало только угроза наганом спасала коммунистов от расправы со стороны политических врагов. Так было, напр., с много выступавшим в то время на митингах тов. Тюшиным, которому чуть не накануне 25-го Октября (числа 22-го) подстроенные механиком Орловым черносотенцы грозили мешком, тачкою и Обводным каналом.

В ночь на 25-е Октября за немногими исключениями с наших фабрик не было выступлений. Только члены коллектива, вооруженные, дежурили по райкомам, на случай, не позовут ли, не понадобится ли помощь. Да члены Совета коммунисты собрались на ночное совещание

в Смольный. От правления нашего союза поздно вечером отправились туда В. Н. Вихорев и Е. Ф. Савельев; с Новой Бумагопрядильни — Чернышева и Воробьев-Игнатьев; с 1-й Ниточной— Быстров, от Торнтона — Субоч, с Кожевниковской — Тюшин, от Максвеля — Нечаев и еще многие с других фабрик.

По свидетельству т. В. Большаковой, вечером 24-го Октября рабочие и работницы фабрики Кенига (ныне «Советская Звезда»), кончив работу, двинулись демонстрацией к Таврическому дворцу (ныне дворец Урицкого) со знаменами и плакатами: «Долой войну!», «Вся власть Советам!». На Невском они попали под обстрел, кто-то крикнул «ложись» и затем кто ползком, кто бегом они перебежали на Литейный. Было несколько раненых. Здесь путиловцы сказали нашим демонстрантам: «Безоружным здесь делать нечего — идите по домам». И все двинулись обратно.

По свидетельству т. Абузина в ночь на 25 Октября на 1-ую Ниточную пришел Павел Артемьев с заседания и заявил, что в Смольном большинство за большевиков и что надо немедленно организовать красную гвардию. Организаторами были Бурый и Абузин. Со старою фабричною милициею образовалась дружина человек до 30. В революционном штабе они получили добавочное число винтовок и патроны, кроме того, отобрали оружие у нанятой директором Сандерсом фабричной охраны, состоявшей из 5 инвалидов. Двое из них тут же присоединились к отряду, которому, однако, не пришлось выступить активно в эту ночь. Затем была выбрана революционная тройка, несшая дежурство в конторе. По инициативе этой тройки состоялись перевыборы фабр. комитета (около 1-го ноября).

На утро на большинстве наших фабрик шли митинги. Члены Совета — большевики, проведшие ночь в Смольном, переезжали с фабрики на фабрику, об'ясняя значение происшедшего переворота. Т. Тюшин выступал в 8 час. утра на собрании на Кожевниковской фабрике: «Два медведя в одной берлоге не могут жить. Большинство Питерского Совета решило организовать Военно-Революционный Комитет, чтобы с его помощью взять всю власть в свои руки». На Новой Бумагопрядильне митинг вел Воробьев-Игнатьев, доклад делала Чернышева: «власть держалась на гнилой ветке, мы ее взяли!». У Максвеля на Петровской выступал т. Нечаев: «Теперича, товарищи, мы — хозява!». Так его после этого работницы в шутку и прозвали «Мы — хозява». На 1-ой Ниточной выступал Абузин. Так же было и на других фабриках. Повсюду принималось решение «встать на защиту Советской власти». После собрания большинство фабрик двинулось на демонстрацию с дружиною красногвардейцев в первых рядах. Вели их Тюшин и «Воробей» (Игнатьев) и лозунг на флагах был: «Вся власть Советам!».

Глава X.

После Октября.

Из обстановки всеобщего развала и разрухи поднялась Октябрьская революция. На очереди стояли три неотложных задачи: немедленный мир, передача земли крестьянам и организация контроля над производством, обеспечивающая его правильный ход. Этих задач не умела решить за 8 м-цев своего существования топтавшаяся на

месте демократическая республика и великие исторические необходимости самочинно и стихийно пробивали себе дорогу, только увеличивая хаос разрухи и развала. Немедленный мир намечался массовым дезертирством, земельный вопрос решался крестьянскими восстаниями и даже рабочий контроль осуществлялся в недостаточно организованном порядке. Новая власть немедленно приступила к разрешению указанных основных задач, прокладывая линии порядка в хаосе борющихся сил, регулируя, согласуя и об'единяя раздробленные усилия, направленные к устранению развала вызванного войной. Тем самым она сразу же встала в непримиримое противоречие с капиталистическим миром. Уход из капиталистической войны поссорил ее с союзными державами, национализация земли с помещиками и кулаками, организации рабочего контроля с промышленниками.

В такой обстановке единственное спасение было в крепкой диктатуре революционного авангарда рабочего класса. Классовым чутьем это поняли наши массы и в общем оказали безоговорочную поддержку этой диктатуре. Однако, нельзя сказать, чтобы сразу уяснили себе создавшееся положение «верхушечные организации» нашего профдвижения, несмотря на то, что руководство в них уже находилось в большинстве профсюзов и в Совете Союзов уже в руках большевиков. Но многие из них, воспитанные на шаблонах западноевропейского рабочего движения в то время еще в значительной степени были в плену старых социал-демократических представлений.

Вслед за Петроградским Советом профсоюзов, правление нашего союза приняло резолюцию, в которой признав основные большевистские ло-

зунги насчет земли, мира и рабочего контроля, требовало организации «однородной социалистической власти, ответственной перед ЦИК Советов Рабочих и Солдатских Депутатов, пополненным представителями ушедших партий и представителями Исполнительного комитета Крестьянских Депутатов. Правительство составляется из представителей всех социалистических партий от большевиков до народных социалистов включительно».

Мало того, правление Союза временно придержало собранные на фабриках в начале ноября для Военно-Революционного Комитета 1000 рублей и ЦИК Совета Рабочих и Солдатских Депутатов 3000 рублей. За это ему пришлось держать ответ на заседании делегатского совета 26-го ноября в Константиновском Артиллерийском уч-ще на Забалканском. У нас случайно сохранилось краткое изложение содержания доклада правления этому делегатскому Совету и обрывки записи прений на этом заседании. Правление здесь, что называется «крыли» и за резолюцию и особенно за удержку денег. Один из выступивших на собрании делегатов укорял правление, что «в то время, как мы решили отдать деньги той части пролетариата, которая об'явила беспощадную борьбу капиталу, этому пролетариату правление постеснялось отдать гроши, собранные с рабочих». «Позор соглашательской политике!» — заявлял другой депутат.

Насчет резолюции правление оправдывалось тем, что основные требования: о мире, о земле и о рабочем контроле ею были выдвинуты. Пункт же об образовании правительства из социалистов всех партий, включая эн-эсов, был принят в момент, когда ожидали, что вот-вот состоится соглашение, с целью оказать давление на все социалистические

партии, чтобы они сплотились и шли дружно на калединцев и капиталистов. Теперь же когда пришло известие, что соглашение невозможно, правление целиком стоит за безоговорочное признание Советской власти.

Что касается задержки с деньгами, то она произошла потому что на одном заседании правления не было кворума, другое слишком не решительно высказалось по этому вопросу.

Характерно для тогдашних настроений было выступление Тюшина на этом заседании. Он поставил правлению в укор, что оно «в погоне за тарифом было, тогда как фабричные комитеты заняты другим. Не переговоры нужно вести с фабрикантами, а следить за тем, чтоб не увозили они фабричное добро и не тормозили производство. И это и делали фабричные комитеты».

Нужно сказать, что укор Тюшина был не совсем справедлив. Правление Союза в это время уже приняло деятельное участие в организации контрольных комиссий по ф-кам, согласно декрету о рабочем контроле. И пора было, потому что фабриканты в это время решительно саботировали производство.

Правда, члены текстильного отдела Общества фабрикантов и заводчиков в заседании своем около этого же времени (27 ноября) формулируя свое отношение к декрету о рабочем контроле, постановили сообщить в совет своего Общества, что хотя они и всецело присоединяются к вынесенной общим собранием заводчиков и фабрикантов, очень решительной резолюции по вопросу о рабочем контроле, однако сохраняют за отделом «свободу действия в отношении установления момента приведения в каждом отдельном случае, в исполнение означенной резолюции». Мотиви-

ровали такое свое решение наши фабриканты тем, что в резкое отличие от металлообрабатывающей промышленности текстильные предприятия довольно обильно снабжены топливом, имеют запас суровья на несколько месяцев и довольно значительные склады готовых изделий, представляющих в совокупности большую и легко реализуемую ценность.

«Вопрос о демобилизации столь жгучий для металлообрабатывающей промышленности в текстильных предприятиях вовсе не возникает, острая потребность в изделиях текстильной промышленности с переходом на мирную работу нисколько не уменьшается.

Все эти обстоятельства заставляют относится к воздействию против введения рабочего контроля посредством немедленного об'явления о закрытии заводов и фабрик с большой осторожностью, так как последствия слишком поспешного об'явления о закрытии фабрик могут оказаться далеко не желательными. Фактическому закрытию фабрик будет препятствовать не только желание рабочих сохранить свой заработок, но также и крайняя нужда в изделиях текстильной промышленности, а сравнительное обилие топлива и суровья и легкая реализуемость складов готовых изделий дадут полную возможность продолжения действия фабрик и без участия правления в руководстве».

И, однако, по мере сил наших фабриканты старались проводить сопротивление декрету. Скрывший свое имя за подписью «Один из участников», товарищ, напечатавший в прошлом году в «Голосе Текстилей» (от 7/XI—26 г.) свои воспоминания под заглавием «У Питерцев в 1917 году» рисует такую картину хозяйского саботажа производства.

«Делалось это ими так. На одних ф-ках фабриканты заявляли что у них нет больше средств на ведение предприятий, и в то же время вывозили из фабрики все, что было ценного. На других фабриках рабочие заявляли, что нет сырья, а в то же время сырье разбрасывали везде, где только можно было свалить кипы. Особенно много хлопка было разбросано по берегам Невы. Хлопок валялся не прикрытым и гнил... комиссии (рабочего контроля) горячо принялись за дело. При этом наблюдались иногда довольно любопытные факты. Бывало так, что фабрикант заявлял рабочим об отсутствии средств; рабочий контроль накладывал арест на товары и... средства находились. Фабрикантами же, заявившим об отсутствии сырья, комиссии предлагали купить сырье, что было разбросано по берегам Невы. Но покупать это сырье было не у кого — хозяина не находилось. Тогда было решено об'явить сырье собственностью Союза, после этого нашлись хозяева и на сырье. Сырье пряталось фабрикантами в чужих складах, в подвалах и т. д., но его находили. Так союзу удавалось удерживать фабрики от остановки».

Логика создавшегося положения давила в сторону национализации. Положение осложнилось саботажем чиновничества и так называемой интеллигенции. Эта мелкобуржуазная группа, в массе беспартийная, но в общем в то время следовавшая за меньшевиками и эсерами, а в высших слоях своих за кадетами, не умела еще оценивать организующего и регулирующего значения Советской власти, единственно способной вывести нашу страну из того состояния распада и разорения, в которое привела ее империалистическая война. К тому же интеллигенция была обижена круше-

нием своих надежд на руководящее положение, на которое она рассчитывала в развивающейся по буржуазным образцам демократической республике; обида усугублялась в немалой степени также и тем быстрым падением ценности денег, которое произошло после Октябрьской революции и которое быстро сводило на-нет имевшиеся у нее кое-какие сбережения в банках и сберегательных кассах. Саботаж, начавшийся еще при Керенском, обострился и продолжался месяца 3—4. Заступить места саботажников в учреждениях было двинуто из рядов рабочего класса все, что только могло быть приспособлено для новой работы. Союз тогда мобилизовал кое-кого из своих работников для работы в советских учреждениях [1]). Некоторые из наших текстильщиков так и остались с тех пор в рядах совработников.

---

[1]) Так, в это время был делегирован работать в Военно-Революционный трибунал, т. Тюшин. Здесь ему, между прочим, пришлось принять участие в суде над графиней С. В. Паниной. Культурница и левая кадетка, пользовавшаяся громадною популярностью в рабочей среде за организацию известного в те времена под ее именем Народного дома, где ютились клубы и другие культурно-просветительные начинания, она была арестована 28 ноября, по требованию т. А. В. Луначарского, за сокрытие 92 тысяч рублей казенных (министерства Нар. Просв.) денег, которые она отказалась передать народному комиссару. На суде она заявила, что передаст эти деньги только хозяину земли русской — учредительному собранию. — «Ну, Софья Владимировна, ты у меня и посиди, покуда придет твой хозяин», — сказал Тюшин, и, несмотря на десятки протестующих голосов из рядов присутствовавшей на суде рабочей публики, приговорил ее к тюремному заключению. Гр. Панина дня через 3 или 4 передумала, вернула деньги и была освобождена. После этого т. Тюшин был назначен следователем в женскую тюрьму, затем работал в Отделе Соц. Обеспечения и только в 1919 г. вернулся на работу в Союзе.

Между тем, борьба с развертывавшейся контрреволюцией требовала решительных мер.

В начале декабря была произведена национализация банков. Это была радикальная мера, которая должна была связать предприятия с центральным аппаратом путем регистрации чеков с указанием цели, с которою вынимаются из банка деньги, путем разрешения на получение денег со стороны фабкомов и райкомов, путем ограничения разрешений и т. д.

На первых порах началась ужасная неразбериха. Подкуп и мошенничество просочились в банки. Этому способствовала отчасти и неопытность новых банковских служащих. Разрешенные чеки циркулировали по рукам от одного фабриканта к другому. Происходила подделка затребований. Иногда фабриканту удавалось по одному и тому же разрешению, напр., на закупку дров, получить несколько раз деньги из банка. И т. д., и т. п.

На борьбу с этими злоупотреблениями развернулась работа контрольных комиссий.

На конференции фабричных комитетов в клубе «Вперед» (на М. Болотной, 13) 5-го декабря было постановлено учредить на каждой ф-ке контрольную комиссию из 3—5 человек и выбрать центральную контрольную комиссию из 7—9 чел. В последнюю выбраны были: Иванов (с Невки), Ив. Семенов (с Б. Охтенской), Никитина Анаст. (с Кожевниковской), Ермолина (от Максвеля), Зайцев (с Леонтьевской), Евдокимова (от Гота), Буров (с 1-й Ниточной).

Нужно оговориться, что значительная доля работы по рабочему контролю над производством была произведена еще до этого организационного оформления.

Ощупью эти комиссии стали учиться понимать кассовые книги, для проверки их приглашая иногда «своего» бухгалтера со стороны, требовали от конторских фабричных служащих составления описей и смет, проверяли счета, платежные ведомости и т. п., словом, стали учиться строить производство по смете, проверяя производственные планы и бюджет фабриканта. А так как бюджетирование производства является одним из главных факторов национализации предприятий, то можно сказать, что уже в деятельности наших контрольных комиссий было заложено начало общей национализации нашей промышленности.

В таком смысле это поняли и наши фабриканты. По крайней мере, директор Новой Бумагопрядильни Роман Романыч Каменский, когда увидел, как хозяйничает бывшая в то время председателем контрольной комиссии на этой фабрике О. Ф. Чернышева, придирчивою рукою вычеркивавшая из его затребования различные на поверку ненужные для фабрики закупки, прежде чем дать свою разрешительную подпись на его чеке, — выйдя из себя, сказал: «Ну что ж, в таком случае садитесь на мое место, а я пойду» и встал, и собрался уходить.

— И сяду. Эка беда какая, подумаешь, — ответила Чернышева и села на его место. («По молодости лет, — девченка была», — оценивает она теперь свой тогдашний поступок). Однако, посидеть в директорском кресле ей тогда довелось только десять минут, так как прибежал «Воробей» и позвал ее в коллектив, где ее отчитали за такую быстроту и натиск («не понимаешь разве, что нам без специалиста не справиться») и сняли с поста председателя контрольной комиссии, поставив на ее место не то Емину, не то Гарезину.

Серьезнее был конфликт на трикотажной фабрике Керстена (ныне «Красное Знамя»). На Петроградской стороне эта фабрика первая организовала у себя рабочий контроль (еще до издания декрета о нем). В контрольную комиссию здесь вошли Цейтлин, Худяков и Коломейцев, решившие проверить по книгам приходы и расходы фабрики. Разумеется, при этом им пришлось натолкнуться на упорное сопротивление со стороны правления фабрики. Отношения обострились, когда в начале декабря правлению удалось вывезти на Москву 40 кусков трикотажа и оно начало получать деньги помимо банка, и, стало-быть, обходя разрешительную надпись контрольной комиссии. Тогда фабричный комитет и контрольная комиссия поставила у кассы свою охрану. Так как организатором и вдохновителем всей контрольной работы был вернувшийся с военной службы ремонтный слесарь Залко Цейтлин, который был принят на работу, вопреки отказу со стороны правления фабрики, то правление решило дать бой рабочим по вопросу о том, кто принимает рабочих на работу, администрация ли фабрики или фабричный комитет. На фабрике Керстена со времени февральской революции правом приема и увольнения рабочих пользовался фабричный комитет, утративший это право после известного циркуляра Скобелева и вернувший себе его после Октябрьского переворота. Но правление этого права не признало и, несмотря на то, что т. Цейтлин был избран общим собранием в фабричный комитет, а последний избрал его своим председателем, при первых же шагах нового комитета заявило, что не признает решений, подписанных Цейтлиным. История осложнилась тем, что в конфликт оказались втянуты и служащие, которые чувствовали

себя задетыми некоторыми постановлениями фабричного комитета (в частности, арестом заведующего фабрикой Пини и главного бухгалтера, которых несколько членов фабричного комитета отвезли в автомобиле в Смольный, где они были сейчас же освобождены). У служащих в то время на фабрике был свой комитет, в который входили Ладзин, Масловский, Каптерев и Барков, Е. С., юрисконсульт правления; из них Масловский и Каптеров были эс-эры, а Барков—кажется, кадет. Может-быть, некоторых из служащих коснулась и зараза саботажа, который вели в это время служащие учреждений. Во всяком случае, когда им был сделан запрос, согласны ли они помогать рабочим в проведении рабочего контроля, Барков и другие постарались истолковать это как возрождение в новой форме свидетельства о благонадежности. Конфликт обострился настолько, что накануне получки, 4 декабря, служащие забастовали. Правление заявило, что без служащих оно работать не может, а потому фабрика закрывается. Отделы конторы были закрыты, ключи унесены.

На фабрике в это время, по словам т.т. М. Я. Яковлева и Н. Худякова, был запас готового товара на 6 миллионов рублей, магазин полный был забит, пудов до 700 нефтяного топлива, сырьем фабрика была снабжена и заказами обеспечена. Фабричный комитет созвал общее собрание рабочих, которое решило работы на фабрике не останавливать и назначило Цейтлина фабричным комиссаром, который поставил перед министерством труда вопрос о секвестре фабрики. А покуда что, решили взломать запертые замки конторы. Сначала никто не решался приступить к делу, но когда Худяков взял лом, у него сразу явилось много помощников.

В то время Советская власть еще не имела в виду произвести национализацию, она собиралась проводить ее по мере назревания условий. Из правления союза по получению сообщения о фактически произведенной «национализации» фабрики Керстена, выехали на фабрику Лебедев и один из инструкторов (пишущий эти строки), но общее собрание, шумное и гневное, не захотело слушать их уговоров. Зачуяв добычу, на фабрику стали являться крупные спекулянты, предлагавшие закупить весь товар, немедленно пригнать грузовики и сразу же все вывезти, но их решили гнать.

Фабричному комитету удалось занять у Вулкановцев денег для выплаты получки, тысячи 4 авансом раздали, многие отказались брать, чтобы не увеличивать затруднений. Функции директора были возложены на комиссара фабрики. Так как легче всего было справиться с работой прачешного отделения, где стоило только снестись с учреждениями, обычно отдававшими сюда в стирку белье, чтобы получить заказы, то работа этого отделения продолжалась без остановки. Хуже обстояло дело с другими отделениями, где требовалось руководство технического персонала. На третий день конфликта инструктор союза застал фабричного комиссара уже с повязанной мокрым полотенцем головой от головной боли и, под давлением изменившегося настроения «народа», более склонным к соглашению со служащими.

Тем временем между служащими и рабочими в примирительной камере при Народном Комиссариате Труда 8 декабря произошло соглашение на том, что служащим должна быть гарантирована личная неприкосновенность и что «служащие считаются с декретом о контроле, но этот кон-

троль должен быть проводим как контроль, — а не экспроприация фабрики рабочими и по инструкции надлежащих властей и руководящих организаций рабочих и служащих». А 14-го декабря правление фабрики заявило, что готово примириться с приемом Цейтлина и забастовка служащих прекратилась. Керстену после примирения все-таки удалось захватить тысяч 40 золотом в конторе, после чего он больше не показывался.

В общем контрольные комиссии наши произвели громадную работу. Им удалось отрезать денежному капиталу возможность бегства за границу, удалось благодаря этому сохранить русскую промышленность до национализации. Не всегда это удавалось в полной мере, но все же, в конце-концов, удалось настолько, что русская промышленность была спасена.

К концу года руководство деятельностью контрольных комиссий сосредоточилось в руках Союза, благодаря чему невозможными стали такие сепаратные выступления, как только что рассказанная «самостийная» попытка национализации фабрики. В то же время продолжалась Союзом и тарифная работа и по прежнему помещения его гудели как улей спорами расценочных комиссий, которые сменялись одна за другой для разных групп рабочих, день за днем заседая в одной комнате под руководством Лебедева, в другой Митрохина, в третьей Савельева, готовясь к перезаключению коллективного договора (оно состоялось уже 10-го января 1918 г.).

За этой работой у Союза действительно не оставалось времени заняться культурно-просветительною деятельностью, которая в это время ограничивалась изданием сначала отдельных листовок по

разным поводам, а затем выпуском журнала «Ткач», который стал издаваться по постановлению делегатского Совета от 1 октября. Редактором первого номера этого журнала (вышедшего 1 ноября и разошедшегося в 6.337 экземплярах) была Анна Львовна Рязанова. После этого редактором стала Анна Ильинишна Елизарова, при ней вышел 2-ой номер 20 декабря (разошелся в 4.462 экз.) и 3-й 13 января 1918, (разошелся всего в 1.910 экз.). Отметим, что свой журнал мы посылали и в Англию, в тред-юнион прядильщиков и ткачей, с предложением обмена изданиями, но ответа тогда не получили.

На третьем номере издание журнала оборвалось «в виду дороговизны бумаги», как мотивировано было в тогдашнем протоколе, в виду недосуга читать, когда надо перебегать из одной очереди в другую, — как формулировали тогда на конференции работницы («в хвосте много не начитаешь»).

В это время сгущались тучи на политическом горизонте и на союз надвигались новые задачи. Но он вырос и окреп за этот год двух революций и приобрел достаточную гибкость организации для того, чтобы взяться за разрешение великих новых задач.

Библиотека
Института Ленина
при Ц. К. В. К. П. (б.)

ОГЛАВЛЕНИЕ.

		Стр
Предисловие		3
Глава	I. Стихийное движение	5
„	II. Выборы в Совет и фабр. комитеты	18
„	III. Восстановление Союза	30
„	IV. Апрельекие и майские дни	39
„	V. Организационные трудности	39
„	VI. Экономическая борьба и тарифная работа Союза	55
„	VII. Обострение экономической борьбы и рабочий контроль	69
„	VIII. Июльские дни	79
„	IX. От поражения к октябрьской победе	85
„	X. После Октября	96

Цена 15 коп.